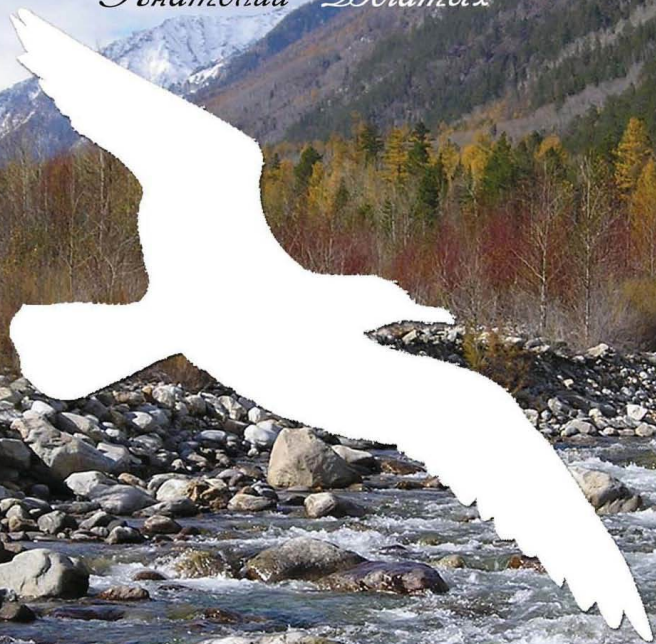

Анатолій Богатих

*Против
течения*

Анатолий Богатых

Против течения. Избранное

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109271

Против течения: избранное. Стихи, рассказы, эссе, воспоминания о поэте. / Анатолий Богатых: ИД РИС (ИП Бабина О. М.); Москва; 2020

Аннотация

Анатолий Богатых (1956–2015) – один из самых сильных русских поэтов конца 20 начала 21 века. При жизни он не занимался самопиаром, поэтому его имя было известно только истинным любителям поэзии.

В настоящее издание вошло самое лучшее из написанного Анатолием Богатых. Полностью включено последнее прижизненное и выверенное автором издание книги стихотворений «Под уездной звездой» (2012), за которую поэт получил престижную Горьковскую литературную премию, также избранные рассказы и эссе.

Значительную часть издания занимают уникальные воспоминания о поэте его родных, близких, друзей, критиков, читателей. В “Приложении” публикуются некоторые стихи, не вошедшие в сборник «Под уездной звездой». В книге вы найдете также фотографии из семейного архива.

В оформлении обложки электронного издания использована фотография, сделанная на малой родине Анатолия – в

Забайкалье. Перед разделом воспоминаний “Поэт и эхо” помещен портрет Анатолия Богатых, написанный Ивановским художником Андреем Пепловым в 2016 году.

Э. Ракитская

Содержание

Павел Басинский об Анатолии Богатых (из предисловия 2016 года)	15
Митрич	15
Под уездной звездой	20
Под уездной звездой	20
«Не буди этот вечный и страшный покой...»	20
«...Когда ушедший день зарёй обужен...»	21
«Бывает, молча куришь без огня...»	22
«Зачем живу, зачем плыву...»	23
«...В день Воскресенья, взрывая гробы...»	24
«Как живётся тебе на далёкой планете...»	24
«...Ещё потерь своих – на полпути...»	25
«...но почему-то...»	26
«У врат чистилища душа...»	27
«На простенке тенью птицы...»	28
Ночью	29
«...Теперь всё чаще представляю...»	30
«Наверное, счастлив, кто видит пейзаж за окном...»	30
В болезни	31
Котельнич	32
«...Закат. На земле темнеет. Небесные	34

блещут блики...»	
«Сон мне: тракт малоезжий, протяжен и дик...»	35
Часу в шестом	36
«...Две рюмки – похмелье, вареньице к чаю...»	37
«Всё о печали, друг мой, о печали...»	37
«...Осень. Осели осы на перекрестье оконном...»	38
«Меня в бессоннице настиг...»	39
«...И не о тех...»	40
Двадцатипятилетие	41
«Во поле чистом оглошшая мгла...»	42
Одиночество	43
«Вот говорят: Не стоит пить...»	44
«Опять со мной моя бессонница...»	45
Прошлое	46
Подражание тютчевскому	47
Сумасшествие	48
Неоконченный черновик	49
Из деревни – бывшим	50
На пороге	50
В парке	52
«Бросить вёсла, и парус тугой опустить...»	52
«...Пугливой мыслью не объять...»	54
«Жизнь выправляет крен, с лихвой хлебнув	55

гульбы...»	
Деревня	56
Спаситель	56
«Птицей Русской обещано песню дивную спеть...»	57
«Неможется от голода сердечка неостылого...»	58
Вологда	58
Два стихотворения	60
«Здесь всё чужое: улицы, дома...»	63
Памяти друга. Памяти Толи Житного	64
«Нынче день бездонно светел...»	65
«В полуяви, во сне я лежал посреди...»	66
Игра в классиков	67
«В январский день найду могильный холмик...»	70
В деревне	72
«...А сегодня подумалось мне: одиночество – враг...»	73
Волки	74
Сумерки	75
Острова	76
«Юность, юность моя! Отшумела, отпела...»	77
ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ	79
«... Что же до времени суток, то я выбираю	79

ночь...»	
Младенец	79
Дева	80
Муж	81
ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ	82
Начало	82
Из январского дневника	83
«...И холодна твоя рука...»	84
Вчера	85
Прощание	86
«Настанет ночь, и в тёмном полусне...»	87
«...Ибо радостям нашим назначен предел, за которым...»	89
Стихи из романа	90
«Ночь декабрьская. Мгла сырая...»	91
Освобождение	91
«...мы те...»	92
ВРЕМЕНА ГОДА	94
Зимой	94
Апрель	96
Летом	97
Осень	98
Опыты	99
«Люблю я в утреннем трамвае...»	99
«Опьянит иудейская гневная кровь...»	100
«...И память, что древнее глаз твоих...»	101

«Не дай мне Бог в твоих ночных глазах...»	102
«Пустышка, хищница, притворщица по-женски...»	104
«Так долго болен, что ни сна, ни сил...»	104
Ирина	106
Признание	110
«Бес в ребро...»	111
«...От бедной женщины, в которой свет погас...»	112
«Желанный поздний час. Соседи спят, похоже...»	113
Над старой летописью	114
Голубица	114
«...А нынче – в месяц-ветродуй...»	115
«Прочно вставши ногами...»	116
Элегия	117
Старческое	118
«...Нерастраченным чувством темнеющий взгляд...»	118
Сестрица	119
«...Кто мне глаза закроет...»	120
Московская поэма	121
ЦАРСКОЕ СЕЛО	127
«В родной стране – родной страны не знать...»	127
«Ты вернулся в тот город...»	128

Воспоминания в Литинституте	129
Немногим	130
«В долгие ночи холодной зимы...»	130
«Это мы. Это наше густое вино...»	132
Каменный век	132
Четырнадцатое марта	133
«Вольному воля! Наградой не связан...»	134
«Нам не узнать ни славы, ни свободы...»	134
Барков	135
«...Года томясь бездомьем, одиноко...»	136
«А Приморье льдом одето...»	137
Тридцатитрёхлетие	138
Русские песни	139
Банальное	143
Чужой дневник	143
Сцена из нынешних времён	145
Ладога	150
«...А как нелюдь копытом прошла по стране...»	151
Голоса во снах	152
«Засиделся над книгой...»	154
Родина	154
1917	156
«Ждать ли нам Воскресенья?...»	156
Измышления	157
Пушкин	160

«Лишь при лампе, в ночи златоглавой...»	161
«Сколько зим, сколько лет и который уж год...»	163
«И вот зима ступает на порог...»	164
Никитский бульвар	165
«...И сходили, как в пропасть, в могилы одни...»	166
Завтра	167
Афганская баллада	168
Круг	169
Мандельштам	171
В мае	172
«Тепла и света в зимний вечер...»	172
«Хоть мгновенье помедли! помедли ещё хоть мгновенье...»	173
Памяти Ирины Одоевцевой	175
Смутно	175
Сон	176
«В неурочное время...»	177
«А нас твоё страдание хранит...»	179
«Землю свою мы хранить не умели...»	179
Кончилось лето...	180
Знаменский монастырь. Иркутск	181
Памяти Талькова	182
«День за днём усталость множа...»	182
«...Тусклый день в декабре до конца	184

помянуть...»	
На смерть отца	184
«...Мы не увидим никогда...»	185
«Утром проснёшься – белым-бело...»	186
«...За грехи...»	186
К России	187
«...Как в юности, влюблённые, живые...»	189
ПРЯМАЯ РЕЧЬ	190
«Бывает время – тайный молкнет зов...»	190
Начала	190
Горбунья	191
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Анатолий Богатых
Против течения:
избранное. Стихи,
рассказы, эссе,
воспоминания о поэте

Издание подготовила Э.Ракитская на основе издания
“Против течения” 2016 года.

© Наследники, 2020

© Авторы раздела “Поэт и Эхо” и предисловия, тексты,
2020

Анатолий Богатых, 1990

Павел Басинский об Анатолии Богатых (из предисловия 2016 года)

Митрич

Как все писатели XIX века вышли из «Шинели» Гоголя, так мы, выпуск Литературного института 1986 года, вышли из Дубосекова. В 1981 году, когда мы поступили, нас отправили в этот подмосковный поселок «на картошку». Вместе с первокурсниками консерватории. Это было забавно! Ладно мы, писатели. Но будущие певцы, теноры, баритоны! Ничего, надевали рваные перчатки и собирали картошку, как миленькие, а по вечерам простуженными голосами разучивали арии. Мы им аплодировали.

Там я и познакомился с теми, с кем потом общался долгие годы, а с кем-то дружу и до сих пор. С Игорем Меламедом, Валерием Клячиным, Александром Яковлевым, Виктором Пеленягрэ...

Иных уж нет. Нет и Анатолия Богатых. Но вот, благодаря стараниям Валентины Кизило, вышли его посмертные сборники...

Сказать, что он был яркий человек, ничего не сказать. Ярких людей много. Но и яркие люди бывают похожими друг на

друга. Толя был не похож ни на кого. И невозможно представить, чтобы когда-нибудь появился на свет человек, на него похожий.

Тут ведь дело не в яркости. Тут дело в судьбе. Толя был человеком Судьбы. Он так и ощущал себя, так и жил, так и воспринимали его все. Понятно, что у каждого своя судьба, но не каждый живет с ощущением своей Судьбы.

Толя так жил. Так и стихи писал. Это в нем было, конечно, очень русское, предельно русское.

... Я заметил: Толя, где бы и как бы он ни жил, куда бы его не носило, как раз везде в первую очередь «обустраивал» свой дом. Даже и в общежитии. С Валерой Клячиным, поселившись в одной комнате, они натянули вдоль всей комнаты «стену» из синей плотной материи. Кучу денег, наверное, на нее потратили. Но вот – свои комнаты, свои «дома». В гости ходили друг к другу.

Толя, кстати, был предельно бережлив, очень чистоплотен и невероятно трудолюбив! Брался за любую работу, делал ее быстро, я бы сказал, яростно, и всё у него получалось.

Он всегда производил впечатление человека, очень уверенного в себе. Всегда делал то, что решил он, всегда решал сам. Иногда это было в нем до наивности. Как-то он рассказал мне, что в Питере, спускаясь по эскалатору вниз, решил зачем-то вернуться обратно. Повернулся и пошел. Вверх по едущему вниз эскалатору. Уже по дороге заметил, что поднимается как-то уж очень медленно, практически на месте

стоит. А ведь шагает по ступеням бодро, почти бегом. Другой бы сразу повернул, спустился бы, как все люди, и поднялся на другом эскалаторе, как все. Но Толя, если чего решил... «Наверху, – рассказывал он мне, – меня уже ждали два милиционера. С интересом так на меня смотрели. И даже задерживать не стали».

Смешная вроде деталь, но она так характеризует Богатых! Мне кажется, он всю жизнь вот так уверенно прошел вверх по эскалатору, который шел вниз. И достиг своей вершины. А наверху его ждали уже не милиционеры, а, скажем, ангелы. И тоже смотрели на него с удивлением и интересом. Надо же! Дошел!

Когда он купил дом в Ивановской области, то и там работал не покладая рук. Идеальный дом, идеальный огород. И ремонт в своей первой московской квартире, когда женился на Эвелине Ракитской, делал тоже сам. Со вкусом. Я, помню, удивился, что подоконники он покрасил в черный цвет. Это был так стильно!

Со вкусом он и свою библиотеку подбирал. И торговал книгами в девяностые годы тоже со вкусом. Я у него шофером личным тогда работал. Он мне хорошо платил. А в «Литературной газете» мне тогда не платили ничего. «Вот так, Басинский, – говорил Богатых. – Я из тебя человека сделаю! Открою свою сеть магазинов, купим тебе машину приличную, иномарку». А пока мы разъезжали на моем «жигуленке» по книжным складам, мелким оптом брали книги и раз-

возили их по арендуемым Толей лоткам возле метро. Книги он брал принципиально только «интеллектуальные». Хорошую литературу. От Довлатова до Бердяева. Тогда это, впрочем, хорошо и расходилось. Но Толя чувствовал себя «просветителем». Это было важно для него. Не торгаш какой-нибудь, а просветитель! Нужно ли говорить, что «бизнес» этот его не долго просуществовал?

Да, он был такой. С ним было порой очень трудно или, как принято нынче выражаться, «не комфортно». Но разве «комфортно» было с Сергеем Есениным или Николаем Рубцовым? Причем самым близким людям. Не будем забывать об этом.

Он не мог просто жить. Он должен был жить, всегда чувствуя, что исполняет свою Судьбу. Свое предназначение.

Бессмысленно думать о том, была ли эта Судьба предначертана ему на небесах, или он сам ее себе сочинил. Это ведь одно и то же. Важно, что она – состоялась.

Валя Кизило обратила мое внимание, что все свои книги он называл на «П». «Полоса отчуждения», «По праву перелетных птиц», «Пятьдесят стихотворений», «Под уездной звездой», «Прощание». И эта тоже – «Против течения». Почему на «П»? Пушкин? Неважно. Это характерно для Толи. Не просто названия.

Больше всех он любил Пушкина и Достоевского – свидетельствую с полной достоверностью, потому что он часто это говорил. Умер он в день рождения Пушкина, 6 июня. А когда я увидел его в гробу, то вздрогнул! Вылитый Достоевский, каким он стал после смерти и был запечатлен на фотографиях. А это уже, конечно, не случайность. Таких случайностей не бывает.

Но вообще-то он любил шутить. Даже, скорее, острить. У него было, я бы сказал, какое-то беспощадное чувство юмора. Как-то он мне сказал: «Ты, Басинский, меня не подкалывай! Ты со мной в этом не соревнуйся!» В этом с ним, правда, трудно было соревноваться. Острый язычок Толи все хорошо знавшие его – помнят.

Толи уже нет, а книги его выходят. Это главное.

Павел Басинский

Под уездной звездой (книга стихотворений)

*...От ямщика до первого поэта,
Мы все поём уныло. Грустный вой
Песнь русская.*

Пушкин

Под уездной звездой

**«Не буди этот вечный
и страшный покой...»**

Не буди этот вечный и страшный покой,
где немые могильные камни застыли,
где сожжённых усадеб забытые были, —
над великой рекой, под уездной звездой.
И дыханию ночи с порога дивясь,
слушай шорох и шёпот дождя торопливый,
слушай кроткого ветра сквозные мотивы, —
как чужого наречья неясную вязь.

Та земля, что когда-то здесь жизнью звалась,
та земля, за которую кровь пролилась,
обернулась большой и мертвящей пустыней,
никому не нужна, – и деревни пустые
в ней с земли исчезают, землёй становясь,
в ней поля не рожают и вечная грязь
непроезжих дорог...

Это сердце России.

1987

«...Когда ушедший день зарёй обужен...»

...Когда ушедший день зарёй обужен,
когда длиннеет список злых обид,
и жизнь не в жизнь, когда душа – обуза,
а под ладонью сердце близкое болит, —
ты слышишь звук, то стих диктует Муза.
О счастье наше, Русский алфавит!
Ночным огнём в глухих дорогах дальных,
глотком воды на выжженном песке, —
пьянит меня мелодия печальных
слов нескольких на отчем языке...

«Бывает, молча куришь без огня...»

Бывает, молча куришь без огня,
читаешь иль клонишься над работой,
и вдруг негромко позовёт меня
невидимый и беспокойный кто-то.
И представляется полупустой вагон,
слезятся стёкла, и поля в тумане,
кочевье громкое проснувшихся ворон, —
всё-всё, что сердце жалостию ранит.
На переезде одинокий дом,
бельё намокшее (хозяйка позабыла),
уже рассвет, но ни души кругом, —
всё-всё, что сердце Русское любило
и любит, ревностное, поверяя снам,
за безысходность бытия земного,
за безнадежность, за тоску, за срам
минувшего...

Не надо мне иного!

Вот э т о Родина. Куда ей без меня?
Куда мне без неё, на край ли света?
(Ты молча куришь, в доме нет огня.)

Я знаю, что тебе курить до света,
молчать и думать, дожидаясь дня,
и спрашивать её...

И ждать ответа.

«Зачем живу, зачем плыву...»

Зачем живу, зачем плыву
в потоке дней, в круженье лиц?
Мой дом не здесь, я здесь живу
по праву перелётных птиц.

Мой дом не здесь, я здесь гошу.
И выходя один во тьму,
знакомый горний свет ищу —
привычный глазу моему.

Мой дом не здесь, мой дом – звезда,
высок, высок её венец, —
но так не долог путь туда,
где Мать не спит, где ждёт Отец.

Взмахну крылом, – поля у ног
качнутся, поплывёт жнивье.
И на земле отбудет срок
бездомье вечное моё.

И над травой родных могил,
над чистотою светлых книг,
над болью тех, кого любил,

Зайдётся мой
прощальный крик...

1994

«...В день Воскресенья, взрывая гробы...»

...В день Воскресенья, взрывая гробы,
встанем на страшную песню трубы,
с плеч отряся могильную тьму,
и в о п р а в д а н ь е протянем Ему —
хоть под ногтями! – немного земли,
той, о которой мы лгать не могли,
той, на которой извека стоим —
нищей, голодной, —
возлюбленной Им...

1983

«Как живётся тебе на далёкой планете...»

Как живётся тебе на далёкой планете
в благодати житейской, с удачей в руке?

Не с тобой ли счастливые, сытые дети
говорят на родном – на чужом! – языке?

Но однажды...

однажды ты вспомнишь иное:
снег лепящий, другое свечение луны;
ветер плачет, и рвётся, и стонет, и воет
над простором забытым несчастной страны.

И тогда...

и тогда, отрешившись от блуда
срамословья, ты в памяти ясной познай
тёмный край,
светлый край ожиданий прощенья и чуда,
кроткий край,
страшный край, где тебя и в глаза называли иудой, —
этот грешный, святой —
и потерянный рай...

1995

«...Ещё потерь своих – на полпути...»

...Ещё потерь своих – на полпути —
не сознаёшь, влюблённый в звон таланта,
но поздней ночью у бессонной лампы
взгляни в себя, как в книгу, и прочти
всё сызнова. Иль – как бесстрастный врач —

рукой умелою спокойно и без дрожи
сними с души покров отмершей кожи, —
гляди в себя и, если можешь, плачь...

1982

«...но почему-то...»

...но почему-то,
когда услышу Родина, то мне
увидится и призрачно и смутно
не лунный свет на бархатной волне,
не зимний снег, не летний белый день
и не весны зовущие тревоги,
а та пора, когда и думать лень,
и клонит в сон, и странно телом слаб, —
продрогшие поля, разбитые дороги
и лица тёмные усталых Русских баб,
погасшие в заботах их убогих,
нависшие так низко облака.

И долгая – и вечная тоска.

Когда не верится, что есть и жизнь, и свет,
и смех людей, и людные места, —
а только эта церковь без креста,
холмов окрестных нищий силуэт.
И в колеях глубокая вода.

И колеи уходят в никуда.

1986

«У врат чистилища душа...»

У врат чистилища душа
одна стояла... Ангел белый,
её оставив, не спеша
прочь уходил. Звездой горела
Земля, и брошенное тело
в ней остывало, не дыша,
не размыкая хладных уст.
Душа глядела виновато
на тело, бывшее когда-то
рабом – бесчестья и безумств —
ей, неразумной, но крылатой, —
и почитавшей божеством
себя, высокую – родством
случайным связанную с телом.
Душа растерянно глядела,
как – угасая – зыбко тлела
Земля малиновой звездой,
далёкой – и чужой отныне, —
и понимала, что в пустыне
всеискупленья ледяной
ей, жившей на Земле рабыней,

за всё ответ нести – одной...

1983

«На простенке тенью птицы...»

На простенке тенью птицы
ветви тень впотьмах качается.
Со среды всегда не спится,
день вчерашний не кончается.
Отогнали сон, похитили
сон дневные обстоятельства.
Омрачила Лик Спасителя
тень Иуды, тень предательства.
Серп небесный у же, у же...
Тонешь, тонешь в душном омуте,
не осилить этот ужас —
ужас ночи в белой комнате,
в колдовском мерцанье месяца.

Мышь скребётся за обоями.
Мысль моя – по кругу мечется,
моё сердце – с перебоями.

До утра не спишь, а маешься.
Одному куда как весело...
Всю-то ночь понять пытаешься,
что там жизнь накуролесила...

2002; в деревне

Ночью

Вот моё сердце. Возьми и спрячь
в ладонях своих ласкающих.
Как этот мрак над землёй горяч,
безжалостно обжигающий!

Жил неумеючи, что-то кропал;
петляла судьба некроткая.
Боже мой Господи, я и не знал,
что жизнь такая короткая...

Господи Боже мой, помоги
мне перемочь уныние!
Что́ мне друзья мои, что враги —
т а м, где душою ныне я?

Там я один. Только Ты со мной.
Веруя в милосердие,
перепишу этот путь земной
детской —
из самого сердца —
слезой
с раскаяньем и усердием.

1998

«...Теперь всё чаще представляю...»

...Теперь всё чаще представляю:
однажды ночью смертный сон
ко мне придёт, – и станет явью
погожий полдень похорон.

И странно думать мне о том,
что этот рай и этот ад,
весь этот мир, —
«Под сим крестом...», —
что жизнь моя – вся целиком
вместится в п р о ч е р к е меж дат...

1998

«Наверное, счастлив, кто видит пейзаж за окном...»

*Но как странно – во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора.*

Наверное, счастлив, кто видит пейзаж за окном,
где празднуют вечное лето и солнце стрекозы,
где берег лазурный обласкан весёлым лучом,
где синее море, и рыжие пляжи, и розы...

Мне снится другое: сияющий северный снег,
обмёрзшие стены, проросшее звёздами небо,
ночное зимовье, где горькую пьёт человек,
где быть я хотел, – и где я не случился и не был.

Увы, не пришлось мне себя испытать на излом,
и юность вдовела без строгого, мужнего долга.
А властная Муза, задев своевольным крылом,
диктуя своё, увела далеко и надолго.

Средь ночи проснёшься, холодным разбуженный
сном,
замрёшь, отирая мужские, колючие слёзы.
А снится всё то же: земля, опалённая льдом.
Не синее море, не рыжие пляжи, не розы...

1999

В болезни

Это было в прошлом веке,
в бывшей жизни, в стольной мекке...

Брёл чужак с мечтой о славе,
о Железном Дровосеке
думал, мощь его представляя.
Думал, дал Господь здоровья
на троих и доброй крови,
кости тонкой, жилы прочной,
мысли дерзостной и прочей
благодати...

По присловью,
есть чем жить и днём, и ночью, —
пей, гуляй, греси любовью!
Думал, век не будет сносу.

Что, дружок, остался с носом?..

2002

Котельнич

...Вёрсты и дни листая,
прошедшему помня цену,
дом за собой оставя,
любимой своей измену,
словом, в дороге новой,
там, где в снегу-пороше,
встречая вагон почтовый,
почтовая дремлет лошадь,
лютой тоской гонимый

через Уральский Камень,
снег её с морды милой
отряхивая руками,
будто бы в гнутых стёклах,
в глазах отражаясь длинно,
чуть вздрагивая от тёплых
шершавых губ лошадиных,
бегущий – куда не зная,
бредущий – к последней круче,
стою я, слезу глотая,
любимой своей измучен,
на пересадке третьей
такую родную душу
на севере вятском встретив,
так говорю ей: «Слушай!
Наши сошлись дороги,
оба мы одиноки,
с судьбой разберёмся сами.
Давай поженимся, лошадь!
Будем рожать, хорошая,
лошадушек, малых крошек».
И лошадь прядёт ушами.

...Всё понимает лошадь.

1979, из рукописи книги «Городская окраина»

«...Закат. На земле темнеет. Небесные блещут блики...»

...Закат. На земле темнеет. Небесные блещут блики.
Лежит на земле, не тает, сырая густая мгла.
И горек дым сигареты – невкусный, душащий, липкий.
И горечь сдавила горло, гортань твою обняла.
О чём ты, дружок, горюешь, чего ты добиться хочешь?
И куришь, и на ночь глядя теребишь в руках пальто?
О чистой своей, о верной, о вечной любви хлопочешь? —
Птицы в таком наряде не видывал здесь никто.
Представь на земле живущих, о тьме столетий подумай.
Узнаешь, как жили люди не хуже тебя умом,
как мучились, как страдали... Но – радостный иль
угрюмый —
все на земле находили пристанище, а не дом.
Молясь о Слове, о даре, лбом прижавшись к иконе,
цепью гремишь земной иль в облаках витаешь.
Понял о жизни то, что ничего не понял.
Знаешь о ней одно – что ничего не знаешь.

Не повезло, не случилось... В судьбе такое бывает.
Попробуем вновь подняться, взглянуть на Небесный
свет.
Видишь, заря играет, и ветер всюду раздувает
 пленительный и прекрасный – сегодняшний твой

рассвет.

Как свеж и морозен воздух! Погасли звёздные блики.
...Есть истины для поэта, одни на все времена:
в любых переплётах странствий ему не изменят книги,
и дом его – поднебесье, и Муза – ему жена.

1996–2000

«Сон мне: тракт малоезжий, протяжен и дик...»

Сон мне: тракт малоезжий, протяжен и дик.
Песню вою на долгий – на Русский – салтык.

На распустьях кричу, сам себе печенег:
– Есть ли во поле жив хоть один человек?!
Как живёшь без креста да без веры отцов?

– Лишь глазницы пустые, провал их свинцов.
– Лишь пустые глаза у живых мертвецов.
– Лишь молчанье в ответ. Этот мир – не жилец.

Вот и сказочке нашей приходит конец.

Ах, во снах зелена, изумрудна трава!
Как шелка мурава! А проснёшься – мертва.

А очнёшься, – похмельно болит голова,
опоённая ложью...

1985

Часу в шестом

Надоело. Надоело.
Я сегодня пью вглухую.
Я сегодня, грешным делом,
в одиночестве тоскую.

Хоть бы кто зашёл однажды, —
хоть Алёшка, граф продажный,
хоть каприйский буревестник,
хоть братан их, Ванька Каин,
хоть из нынешних балбесов,
хоть поганый мент, хоть каждый
мимошляющий татарин...
Всё равно. Подыдем вместе
за Отечество – без бесов,
за Россию – без окраин!

1987

«...Две рюмки – похмелье, вареньице к чаю...»

...Две рюмки – похмелье, вареньице к чаю.
В домашнем застенке на лире бряцаю.
Осенний мотив навязался с утра:
– Мы вольные птицы! Пора, брат, пора...

1988

«Всё о печали, друг мой, о печали...»

Всё о печали, друг мой, о печали...
Поговорим с тобою до утра.
(Ты не заметила, как нынче странно стали
темнее дни, яснее вечера? —
Об эту пору вечной Дикой Степью
к орде поганых шла святая рать...)
Вино откроем и свечу затеплим.
Не засыпай, ещё не время спать.
Будь милосердна. Мне в такие ночи,
когда лежишь измученный, без сна,
приходят мысли тёмные – и точат.
И страшен крест молчащего окна.
И страшен мрак, таящийся повсюду.

Как вспомнишь, – многая текла вода,
а мертвецы не встали никогда,
и не дожидаться Воскресенья чуда.
Как вспомнишь, сколько их ушло тогда,
где так и жили, – с верой, но без Бога,
*где жизни запрессованы в года,
а кости запрессованы в дорогах,
в дорогах, уходящих на восток
такой огромной выстраданной ложью,
что в поезде «Москва – Владивосток»
зайдётся сердце непонятной дрожью¹.*
Умытый кровью, в чарованье навьем,
лежит простор – века веков! – страны.
Безумьем дедов и отцов бесславьем
мы от зачатья нашего больны.

И кровь отмщенья ждёт...

1987

«...Осень. Осели осы на перекрестье оконном...»

...Осень. Осели осы на перекрестье оконном.
Гроздьев красным-красно. Грузен жёлтый закат.
Из дому выйдешь – осень. Льнут к ладони со звоном

¹ Цитата из стихотворения Эвелины Ракитской. – Здесь и далее примеч. ред.

лисые лица листьев, ластаняся – и летят.

Осень. Земные оси к небесным легли положе.
Мёрзнет звёздная россыпь. В изморози водосток.
К ночи острее воздух. Поздний спешит прохожий.
В гулком проулке гложет подкованный каблучок...

1983

«**Меня в бессоннице настиг...**»

Меня в бессоннице настиг
один случайный миг видений:
созвучен мне чужой язык,
близки чужих преданий тени.

И – нелюбимое дитя —
в изгнанье дальнем и сладимом,
земле оставленной не мстя,
живёшь не пасынком, но сыном.

И забываешь сушь, и зной,
и муку зим, и снег степной.

...И понял я, —
под чуждым небом
нам не найти чернее хлеба
и горше горького вина —

неволи, выпитой до дна,
познав свободу неземную,
а на земле и воли нет.

Лишь на Руси единой свет.

1985

«...И не о тех...»

...И не о тех,
теперь забывших род свой

Но – в одиночестве, как в странном сне,
вдруг ощутив знобящий знак сиротства —
во тьме ночной чредой явились мне:
и давний снег, багрённый Русской кровью,
и тени жён, познавших муку вдовью
(их долгий бабий крик до немоты),
и скорбных кладбищ Русские кресты,
там, на чужбине, – имена простые
фамилий славных, кость и кровь России.
(Твоей России, Господи, – прости
чужбину им, умершим и убитым.)

...Не мне ли знать,
что днём, для нас сокрытым,
нас всех Владыка призовет, и примет,

и души наши благодатью летней
в последней правде и в любви последней
соединит; и враг врага обнимет,
и цвет знамён в один сольётся цвет? —
Но плачу я, и горше плача нет,
когда ночами сны мне снятся злые, —
как навсегда уходят корабли,
как сохнут слёзы ясных глаз России,
рассеянные по лицу земли. . .

1986

Двадцатипятилетие

Шалавой ночью выйду в город.
Фонарной строчкою пропорот
пространства тёмного кусок,
и тьма – опасная, как ворог —
забилась в каждый уголок.
А мне нужда подбить итог,
прожитых лет учесть сознание
и загадать ухода срок.
Нагим пришёл я в вечер ранний,
пришёл без имени и званья
в морозный мир, в январский сад.
Я стал богаче полузнаньем,
я невесёлый прячу взгляд.
Мне отлюбилось время клятв,

мне ближе мир, где жить свободней,
где сад – просвечен и костляв.
Бреду в тоске иногородней.
Пообочь в беленькой исподней
берёзка жмётся у ларька, —
не одинок я в час Господний!
И ночь беззвёздная легка,
когда мигнут издалека
глаза собачьи в подворотне,
как два бессонных светлячка...

1981; из рукописи книги «Городская окраина»

«Во поле чистом оглохшая мгла...»

Во поле чистом оглохшая мгла.

...Сны безнадежны, – и в каждом из них
тёмные лица сограждан моих,
вечная грусть глубоко залегла.
Выйдешь ли ночью, видишь воочью —
чёрные флаги простёрли крыла...

Во поле нашем оглохшая мгла.

...Только волнуются тени живые
мёртвых теней, да идут постовые —
страшен и тяжек размеренный шаг, —

душу обыщут, и взвоешь в кулак.
Ох, как дороженька узкая зла...

Во поле Русском оглохшая мгла.

1985

Одиночество

Небо с пёстрой землёй смыкая,
буйство красок земных смиряя,
чёткость линий дневных стирая,
мгла вечерняя – мгла сырая —
опускалась на землю рано.
Воздух в клочья сбивался странно,
на ветвях зависая рвано, —
воздвигалась гряда тумана,
беспросветная и глухая.
Было зябко, и зыбко было.

Било десять. Дорога стыла
льдом весенним. Двенадцать било.
Небо Млечным Путём пылило.
В переплёты окна сквозило,
сквозняками тянуло с пола.
И стоял я, смятеньем скован,
нетерпенья и смуты полон.
И луна, голуба и пола,

из фабричной трубы всходила,
половинной мерцая долей.

Пополночи час и боле
било смутно. Мои мозоли
костенели. Без сил, без воли —
обрастал я пером. И в боли
удлинялись мои лопатки.
Когти в пух обрамлялись гадкий.
И рассвета стыдясь, украдкой
подоконник покинув гладкий,
полетел я над Русским полем,
непривычным крылом махая.

1983

«Вот говорят: Не стоит пить...»

Вот говорят: «Не стоит пить,
всю жизнь паря за облаками,
что не т тебя, что ты не с нами
и что нельзя с тобою жить...»

Всё так.

Но так тому и быть.

А каково м н е – т р е з в ы м – с вами?!

1988–1989; из цикла «Растерянность»

«Опять со мной моя бессонница...»

Опять со мной моя бессонница,
ночное тихое житьё.
Опять устало лампа клонится —
и жёлт, и жалок свет её.
Но, отгороженная шторами,
по эту сторону окна
мерцает странными узорами
моя надменная страна.
Моя держава сероокая
проступит медленно во мгле,
в небытие уйдя истоками,
вся уместаясь на столе.
Тяжёлой венчанный короною,
я слышу подданных моих.
И Муза – гостья непреклонная —
ко мне ведёт покорный стих.
И – гостья гордая – Музы ка,
печалась пленною струной,
изысканнейшим из языков
в тиши беседует со мной.
И – не пьянея – пьёшь дарованный
напиток светлый и хмельной,
земной свободою раскованный —
и этой властью неземной, —
пока за призрачными шторами

не проступил квадрат окна,
пока людскими разговорами
не прозвучала тишина...

Но над землёй моей устало
я руки бледные скрестил. —
И тьма была —
и светом стала.
И ночь плыла
светло и ало
в согласном трепете светил.

1986

Прошлое

Нынешней ночью – кромешных потёмок
глубь созерцая – придумалось мне:
в доме оставлен ослепший ребёнок,
взрослыми брошен...

Бревно на бревне,
дом оседал. Неразумные твари
стены точили, и пахло грибком
в комнатах дома. И было по паре
тварей на стену. И восемь – на дом.
Немощный, бледный, со слабостью в теле,
белые в тьму упирая зрачки,

мальчик вжимался в простенок; и пели
странную песню слепые сверчки,
дом разрушая, из стен выпуская
живших когда-то людей голоса.
Слов проплыла шелестящая стая,
слуха коснувшись...

Смежая глаза,
он обмирает и голову клонит,
тёмной, неведомой силой влеком, —
падает на пол, уткнувшись в ладони,
нож ощущая шестым позвонком.

1982

Подражание тютчевскому

... Душа устала быть душой, —
в её раздвоенности, в той
неразрешимости слиянья
сиянья утреннего с тьмой
глухой, полунощной, густой —
её вседневные метанья
и ежедневный подвиг твой, —
душа устала быть душой...

1982

Сумасшествие

Свет ли фонарный, свеча ли в руке —
странно мерцают за чёрным стеклом
в круглом окошечке слуховом
дома напротив, на чердаке;

в ближнем к фронтону. Загадочный свет,
зыбкий. И полночь недавно пробило.
Полночь пробило. Нечистая сила
в проклятой – Богом забытой – Москве

шабаш справляет... В полночной Москве.
Шабаш в столице безбожной и вольной,
бесчеловечной, бесколокольной,
Бога забывшей. Загадочный свет

гаснет. К тому же теперь Рождество,
месяц восходит с рассветом – у края
неба крадётся, чтоб не украли.
...Сыплются стёкла, разбившись, и в створ

тени выходят, светясь наготой.
Выйдя на гребень, застыли у труб —
холодно голым стоять на ветру,
снег приминая разутой ногой,

переступая... Со стуком и храпом
чёрные кони явились гуськом, —
шестеро взмыли густым косяком
на юго-запад.

1982

Неоконченный черновик

Под нами нищая земля,
бездушная звезда над нами.

Мы воспалёнными губами
слова пощады и прощенья
в надежде шепчем – нет спасенья! —
бездушная звезда над нами.

Сухими скорбными словами
мы славим смертное веселье
и наше тёмное похмелье
в чужом пиру – с р е д и Ч у м ы,
и землю, что любили мы,

и землю, что любила нас,
и влагу жалкую у глаз,
и страх— прощенья моля, —
мы славим скорбными словами.
Будь проклят век, родивший нас!

Под нами нищая земля,
бездушная звезда над нами.

1985

Из деревни – бывшим

*Чего добились вы? Блестящего расчёта:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.*

Здесь по ночам светло. На щёлк и посвист птичий
струят созвездья свет, неясный до поры.
Здесь сутки напролёт плотину-невеличку
городят на реке усердники-бобры.

(Всё нужное – в душе, всё прочее – излишки.)
Здесь по утрам в окно накат и плеск листвы,
а ввечеру огонь в печи и шелест книжки.
... Чего добились вы, лишив меня Москвы?

2009

На пороге

Близятся сроки, – и голос мой глуше,
слово прозрачней, смиренней мечта.
Глянешь окрест ли – всё мёртвые души,
в душу ли глянешь – в душе маета.

Славы хотел он – и не было славы.
(Позже ты понял, светлея лицом,
что и не надо бесовской отравы, —
с л а в ы —
среди мёртвых прослыть
м е р т в е ц о м, —
многого стоит, да малое значит.)

Но заходила хмельная удача
в мой полуночный незапертый дом,
мокрые ножки у печки сушила,
рученьки грела над поздним огнём,
песенки пела – да сердце пьянила.

Счастлив он был, – ему недруги мстили,
грустная Муза с ним дружбу водила,
жёны ласкали и девы любили, —
где мои годы? Пропали, уплыли, —
пыль? или дымный туман впереди?
облак ли лёгкий? гляди не гляди —
в с ё маета. Да беда впереди.

Не разминёшься, дружок.
Выходи.

1986

В парке

– Если завтра война, если завтра в поход... —
обрывая рыданиями фразу,
полупьяный калека в аллее поёт —
однорукий циклоп,
одноглазый...

И фуражку, глухую к людским пяткам,
и провал под повязкой незрячий
возмущённые туши гуляющих дам
заслоняют от взглядов ребячьих.

Я смотрю со скамейки вослед пацану.
Как он весел! Ах, как он смеётся!
Мы про наших и немцев играли в войну,
про кого же ему доведётся?..

1979; из рукописи книги «Городская окраина»

**«Бросить вёсла, и парус
тугой опустить...»**

Бросить вёсла, и парус тугой опустить,
И по воле течения безвольному плыть.

Без руля, по течению, спустя рукава,
Плыть на стрежне крутом, огибать острова.

Повторить наудачу смертельный изгиб,
Где в отчаянье прежде плывущий погиб.

Нет приюта душе, но и духу – оков.
И для пристани нет по бортам берегов.

Сам в себе заплутавший – во лжи расписной,
Не прельстит славословием берег родной,

Не заманит – надменный, холодный, чужой —
Окаянной свободой берег другой, —

Ни властям, ни народу тебе не служить,
Только вечному верить, в прекрасное плыть.

И в награду земную, в награду уму
Испытать поневоле суму да тюрьму.

Да в отместку за честность – литую петлю.
...Но светла твоя жизнь в темноте, во хмелю!

«...Пугливой мыслью не объять...»

...Пугливой мыслью не объять
разор-беду в родимом доме.
Опять страдать, опять стоять
на перепутье, на изломе.

Умы во мгле, сердца во зле,
но мы стоим себе, не тужим.
В какой стране, в какой земле
живём, какому Богу служим?

И не пора ль забыть слова
народ державный, сила, воля? —
ликует гордая Литва,
Орда бунтует в Диком Поле.

А мы под сволочью живём
который год, – и долги годы!
И обернулось тёмным сном
безумье гибельной свободы.

Кто проклял нас? Кого винить
в судьбе расхристанной? Откуда
считать позор – и хоронить
самих себя, но верить в чудо?

...И неизжитый детский страх
меня туда ведёт, где злая
стоит звезда сторожевая
в суконном шлеме – на часах...

1998

«Жизнь выправляет крен, с лихвой хлебнув гульбы...»

Жизнь выправляет крен, с лихвой хлебнув гульбы,
и входит в берега угарных лет разруха,
и можно просто жить по линиям судьбы.

Душа жива...
О чём твоя хандра-присуха?

Как изменился мир! Оставшись при своём,
твои – и горний свет, и храм, и чувство долга
в плетении словес, в служении...
О чём,
людей посторонясь, печалишься подолгу?

2005

Деревня

...Пустошь. Боры на песках да суглинках.
Память о прошлом быльём поросла.
Будто бы жизнь, помолчав на поминках,
кончилась здесь и навеки ушла.

Господи, где он, блаженный покой?
Сирое поле, разверстое небо.
Запах бурьяна и чёрствого хлеба.
Близкое сердце болит под рукой...

2010

Спаситель

...И взяв Его – тая ознобный страх —
они над Ним в безумье злом глумились
в ночь с четверга, и обречённо бились
с холодной тьмой огонь и дым костра;
а Он, воззав на крестный путь добра,
один за всех прияв венец и путы, —
скорбел душой – как жалок взгляд Петра,
как сладок поцелуй Иуды...

«Птицей Русской обещано песню дивную спеть...»

*...в предвоскресном, чисто бирюзовом небе,
где сейчас просквозит звезда, где звезды
никогда не будет.*

Птицей Русской обещано песню дивную спеть.
Тёмным роком завещано на чужбине сгореть.

Но – лишённая вещного, нищетой дорожа, —
Божьим даром да памятью богатеет душа.

Возгорается, теплится, разрастаясь в пожар,
Дар предвиденья вещего, обжигающий дар

Видеть юное, вечное, – пробуждения ждать
(Ночь и ночь над Отечеством, – ни души не видать).

Мрак туманный да слякотный, но пронзает его
Вера в связь нерушимую и в святое родство.

Честь, и совесть, и слово этой верой сберечь,
А покуда – постылая чужеземная речь,

И глухая, и тайная по России тоска,
И звезда твоя дальная – о пяти лепестках...

1987

«Неможется от голода сердечка неостылого...»

Неможется от голода сердечка неостылого.
Любилось бы, да лапают другие, говорю я.
Зовёт в постель по праздникам – постылого,
немилого.
С любимой без взаимности изводишь век, горяя.
Пообносилось времечко одежкой под заплатами.
Всё жду-пожду... Спohватится. Поймёт.
Подскажут люди.
Обнимет и покается. Блудливой, виноватую.

Я ж и з н ь люблю по-старому.
О н а м е н я не любит...

2007

Вологда

В дорогу проводы недолги.

Чужих домов не греет рай,
где Богородица на полке
и Чудотворец Николай.

Где пыль мучная по запечьям
осела памятью разрух,
и смотрит пристальная вечность
глазами острыми старух.

О боль больших и малых станций!
Здесь провожали до путей
кормильца в первую с германцем
и во вторую – сыновей.

...Им по ночам родной, красивый —
и не рождённый снится внук.
Они одни. Они всё живы,
сердец прощальный помня стук.

Проходит жизнь. Уходят силы.
Прекрасна молодость во сне,
где живы все!
Но спят могилы
в чужой и дальней стороне...

1980; из рукописи книги «Городская окраина»

Два стихотворения

1

На вокзале (в погоду метельную),
где буфетные столики в ряд,
человека без роду и племени
повстречал я в конце января.
В телогреечке незаштопанной,
в прохудившихся сапогах —
он людей просил полушёпотом
об оставшемся на столах.
Подбородок свинцовым отливом
неопрятной щетины пугал,
отвечали ему – кто брезгливо,
кто совсем ему не отвечал.
После стыд ел души закоулочки,
после кровью лицо обожгло,
а тогда я румяную булочку
положил в его руку незло.
Этот жест хорош в оккупации,
но как подло с набитым ртом
от чужой беды откупаться
невошедшим хлебным куском!
...Я проехал страну великую

до морей на восток и на запад.
Я впитал её многоликую,
её крепкий рабочий запах.
Но встречались они в народе,
эти люди – как их спасти? —
что десятками тысяч бродят
на большом железном пути.
Брат мой, ближний мой, неприкаянный!
Дай мне руку в горе своём.
Худо нам, когда мы не спяны,
легче нам, когда мы вдвоём.

...От мороза трещат акации.
Чем он лютой зимой храним?
Тем, что люком канализации
закрывается ночь над ним?..

1978; из рукописи книги «Городская окраина»

2. Лирическое осеннее

...Увы!
Сентябрь листву метёт
в проулках Поля Воронцова.
Увы, увы!
Зима не ждёт,
вот-вот морозом обожжёт,

оденет в смертные обновы.
Увы, увы нам!
Бомж бредёт
куда-то в ночь
из этой – нашей – жизни прочь,
с мешком заплечным на спине.
Дай Бог ему, а также мне
опять увидеть свет в окне.
Разделим, брат, планиду эту,
поскольку сказано не мной:
*есть только воля и покой,
а счастья нету...*

Дай Бог тебе, невольник воли,
зимовки сытой – и весной
ощупать клейкие листочки,
вздыхнув об участи иной.
И мне – одну ли, две ли строчки
несмертных, творческий покой,
нестыдной роли.

А без любви нам не впервой, —
есть мир и звёзд звучащий рой.
Чего же боле?

«Здесь всё чужое: улицы, дома...»

Здесь всё чужое: улицы, дома.
Как будто сплю и сном угарным скован,
как будто я давно сошёл с ума —
я на себя гляжу как на чужого,
со стороны без жалости гляжу —
судья-палач, – караю и сужу.

Казнь продолжается – и столб позорный врыт.
Стою один, лишён людского званья.
И точит боль, и гложет тёмный стыд
за тёмный стыд и боль существованья.

Мне в оправданье нечего сказать.
Как равный вам, пришёл я в мир несытый,
но никогда мне не поднять глаза,
в глаза людей мне не смотреть открыто.

За жизнь мою, за сладкий белый свет,
за нищий хлеб, замешанный с половой,
я благодарен вам, – и дела нет,
как нелегко из уст исходит слово.
Казнь продолжается. Ещё не вышел срок,
ещё душа не иссушила омут
страстей своих, ещё не мёртв порок.

...Но э т о т хлеб! но воздуха глоток, —
по вашей щедрости отпущенных другому —
и мне доставшихся; но вашей веры свет! —
когда для вас слова *мерзавец* и *поэт*, —
одно и то же...

1986

Памяти друга. Памяти Толи Житного

Лес разбуженный зеленью нежной расшит.
Ласков свет над стернёй прошлогодней, печальной,
над просёлком ухабистым в сельской глуши...
И затейливым очерком Русской души
оплавляется воск на свече погребальной.

Отплывает ладьёй принаряженной гроб.
И пустые слова, и чужие рыдания
не тревожат твой слух, и не дрогнет твой лоб
под последним земным целованьем.

По высокой земле отплываешь один,
каменеют нагрузишие плечи.
Сам себе судия, сам себе господин —
в ожиданье томительном судных смотришь,
в ожиданье назначенной Встречи.

Нет следов твоих ног в подорожной пыли.

Сколько нас – неприкаянных – в этой дороге
ляжет в комья тяжёлой любимой земли, —
всех равняет она – и святых, и убогих.

И о тех, кто зарыт в вековой глубине,
и о тех, кто душою и разумом беден,
и о тех, кто убит на чеченской войне, —
Православные храмы поют в вышине
во спасение наше рыдающей медью...

май 1996

«Нынче день бездонно светел...»

Нынче день бездонно светел,
над другими днями – главный.
Что тоскуешь, что невесел, —
али ты неправославный?

И глядеть не наглядеться —
купола поют!
И сладко
пахнет мёдом, пахнет детством
пряник с тульской печаткой.

Лишь смотри, молчи да слушай, —
как ликует вестью дальней,
сердце лечит, правит душу

1998

«В полуяви, во сне я лежал посреди...»

В полуяви, во сне я лежал посреди
Двух дорог с остановленным сердцем в груди.

Головой – на закат, но лицом – на восток.
И лежал я, и спал, и подняться не мог.

Две дороги сходились на мне, и во мне
Продолжались дороги. Я бредил во сне...

Жгли мне кожу копыта шипами гвоздей
На подковах соловых степных лошадей.

И ломали мне кости чужие кресты,
На плечах крестоносцев в распятях застыв.

Две дороги сходились на мне, и во мне
Замыкались дороги. Я бредил во сне...

Но одна восходила звезда надо мной,
Поутру называясь восточной звездой.

И, на запад закатный сходя с высоты,

Принимавшая имя вечерней звезды.

Две дороги сходились на мне, и во мне
Обрывались дороги. Я бредил во сне...

И лежал я, и спал я, и тысячу лет
Нет пути мне, дороги мне собственной нет.

И чужие не всходят во мне семена,
И глухая меня окружает стена.

Две дороги сходились на мне, и во мне
Потерялись дороги. Я умер во сне.

1982

Игра в классиков

Мне скучно, бес.

С молодых ногтей в неё влюблённый,
я б и в похмельных снах не счёл
мою мечту – мечтой скоромной,
в живую плоть преображённой,
но нас Небесный промысл свёл;
и...

(«Полно врать, пиита, – слушай:
и в прошлой книге странный случай

в закон возвёл ты, враль беспечный,
а жизнь не враз устроит так», —
укажет мне мой критик вечный,
зоил запойный, враг сердечный,
владелец правды...
– Сам дурак!)

Но я отвлёкся...

Вечный случай

нас свёл одесскою зимой.
Мела позёмка; снег летучий,
виясь по льдистой мостовой,
слепил...

(И ты, Мытищей житель,
друг-собутыльник?! В сём синклите
врагов словесности родной
ужели слышу голос твой?!
Прискорбно. Вот совет: решите —
да беспристрастен будет суд! —
закономерно иль случайно
фамильи ваши в примечанье
к стихам сегодняшним войдут
одной лишь строчкой – чьи тут козни?
О д н о й (!) строкой издатель поздний
помянет ваш угрюмый труд).

Прошу прощенья. В третий раз
начну – и кончу свой рассказ.

Итак, я жил тогда в Одессе
холодной – редкостной – зимой,
у моря южного. И вместе
жила тоска моя со мной.
Томился я (путём без цели
доселе жизнь моя была)
тоской по *Женщине...*

С постели
она на улицы гнала,
на оснежённые бульвары,
на стогны жалкого греха,
где от бездомья стонут пары,
в кошачьи кутаясь меха,
где так неожиданна встреча наша;
и город южный не для нас,
и невозможен век и час...

Но повстречавшись вдруг:
«Наташа!
Князь Анатоль обманет Вас!
Он...»

Обожгла, оборотясь,
презрением гневным и – исчезла.
И нет следа на мостовой...

«Какая ересь! Бред какой!
Где назиданье, где сюжет?
Как смеет автор петь предмет

его наклонностей больных?!

Влюблённый в вымысел, – живых
не видит он за строчкой прозы.
Хорош лирический герой —
нет ни позиции, ни позы!
Во-первых, пользы никакой
стране советской; во вторых...
и во-вторых не видно пользы».

...Ты злишься, милый? Воля ваша,
а я всерьёз хочу к Наташе
от ваших тем, ударниц ваших
двуполых, – как одна похожих.

Люблю Ростову я...
И что же?..

1987

«В январский день найду могильный холмик...»

В январский день найду могильный холмик.
В пустых полях ветра берут разбег.
К седой плите корявый льнёт шиповник.
И гиблый снег. В колено гиблый снег.

Тебя в морях швырнула юность в трюмы.
Ты к людям брёл в ночной и снежной мгле.
Ты брёл к теплу, тревожный и угрюмый,
но не нашёл приюта на земле.

Мороз крещенский. Столб колючей пыли.
Сырого неба грузный серый ком.
Ты телом здесь лежишь. Но не в могиле,
не в этой глине твой покойный дом.

Я не грущу. Вот так – как ты – на деле
платить душой и сердце сжечь дотла
мог лишь поэт. Ты умер на пределе, —
не дольше песни жизнь твоя была.

Повсюду гиблый снег. Шиповник спелый
во рту сладит кусочком алым льда.
Как счастлив ты, что вовремя сгорела
полей твоих полночная звезда!..

1981; из рукописи книги «Городская окраина»

В деревне

I

Отдалённые вздохи жабы,
соловья золотая трель...
Успокоиться нам пора бы —
и пора бы стелить постель.

Завтра день и пустые встречи,
и не сбросить заботы с плеч,
навалилась она на плечи
суетою ненужных встреч.

Но пока мы в плену обмана
неурочности наших дел.
На дворе и темно и рано, —
и соседский петух не пел.

И рекой серебряной, глыбы
сна хрустального раздвигая,
мы плывём – две большие рыбы, —
наготы своей не скрывая.

II

...Здесь так бессонница легка
среди просёлков полевых.
И так пронзительна строка
в глубинах наших вековых.

Бог мой, какие имена!
В какой компании по нраву
ты проводил часы без сна,
а у раскрытого окна
молчала ночь, и никли травы,
такие слыша имена!

Что ж, связь времён не прервалась.
Неслышно дождик моросит.
Светает. Утро близко. Час
тысячелетия Руси.

1994

**«...А сегодня подумалось
мне: одиночество – враг...»**

...А сегодня подумалось мне: одиночество – враг,

коль других догонять, в словоблудье пускась без оглядок,
и – чужие глаза подпуская на шаг —
приводить свою душу в порядок.

И за то, что живу как хочу, – как не смеете вы,
клевета окружает меня (как кружит вороньё),
оплетая тенётами, густо сплетая враньё
вкруг её —
бесталанной моей головы...

1997

Волки

...Сладок жаркому горлу отравленный снег,
правя волчьи законы, жестокость людская
провожает безумцев, отставших от стаи,
взглядом чёрных стволов, что следят не мигая
из-под жёстких, стальных, несмыкаемых век;
но, покинувший стаю, я выверил бег
по тропам одиноким, по высям безумья, —
где душа холодеет в безмолвье и шуме,
где ни страха, ни боли – лишь солнце да снег,
где тебе полагается ночь на раздумье,
ибо только безумный теперь человек...

1984, 1987

Сумерки

...Свет фонарный, неверный рассеянный свет,
распластался в листве заоконной осины,
чёрной ветки в стекле начертав силуэт,
усечённой её половины.

По углам,
у гардины,
где копится мрак,
стих мой плачется чистою горлинкой.
И пора бы писать,
да руки не поднять,
да с постели не встать...
Всё же этот барак
не парижский чердак
и не милая Русская горенка.

В этой комнатке злой —
неприятной, чужой,
где давно не белённый навис потолок,
где обои со стенкой расходятся,
я грущу не один, —
надо мною мой Бог,
Пресвятая моя Богородица...

Острова

Земля большая, как вода,
меня не помнит и не знает,
и между нами навсегда
легла пустыня водяная.
С тобой – не рядом, каждый миг
тобой живёшь, тобою дышишь.
И как ни пой, а ты услышишь
лишь оскорблённой мысли крик.
Я твой неузнанный двойник,
я плоть твоя, а ты – не знаешь,
но перелётных птиц своих
весной привычно насылаешь
на голый камень скал моих.

...И будет скорый день, когда
я опущусь на дно морское.
Седая строгая вода
меня от глаз немилых скроет.
Я жил.
Я умер.
Я на дне.
И – как всегда —
по смерти славя,
ты тотчас вспомнишь обо мне,
меня не помня и не зная.

1985; в электричке «Москва – Петушки»

«Юность, юность моя! Отшумела, отпела...»

Юность, юность моя! Отшумела, отпела,
отзвенела в застольях весёлых с друзьями.
Ты как поезд, что ночью – теряясь в туманных пределах,
—
всё мелькает ещё хвостовыми огнями.

И уже не догнать его. Нет, не догонишь!..
Торопясь в эту вольную жизнь заглянуть поскорее,
лишь последние светлые слёзы уронишь:
мы так глупо и непоправимо стареем.

Юность, юность... Пропахшие дымом ладони,
пяточок фонаря, окружённый ночными тенями,
проходные дворы, – хорошо, что я вовремя понял:
иногда не прямее спрямлять расстояния вами.

Ты прости меня, слышишь? Не дай вспоминаться
упрёком
за бездумность твою, что осознана мною раскаянно.
Ты тесна для меня. Я надолго уйду и далёко.
Я прощаюсь с тобой, городская окраина.

1981; из рукописи книги «Городская окраина»

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

**«...Что же до времени
суток, то я выбираю ночь...»**

...Что же до времени суток, то я выбираю ночь.
Покров её темноты, шуршащее чёрное платье.
И радость свободных тел, когда все одежды – прочь,
и солоность спелых губ, и жадность слепых объятий.

Когда искажён любовью и страстью нездешний лик, —
не властвует строгий ум, но царствует тело мудро.
Ещё потому, что радостен светлый, усталый миг,
когда после душной тьмы
всегда наступает утро...

1994

Младенец

Так закатное солнце неожиданно прольёт
набегающий свет на тяжёлые тучи,
так нечаянный проблеск иль зайчик летучий

оживят невесёлое наше жильё. —

В этих ясных глазах и в сиянии лба
его м н о г и е думы проходят, не тая,
и стоит налегке – и живёт золотая,
дорогая, согласная с жизнью судьба.

И – не лгавшие – святостью светят уста,
и тончайшая кожа прозрачна до дрожи,
и невинна душа, – и подобием Божиим
непорочная дышит его красота.

1987

Дева

Сидела, думала, курила,
молчала, простыни стелила,
рука привычная блудила,
блуждала пустошью мечта, —
а дьявол был красив и весел,
желанной тенью встав у кресел,
и жажда мучила, и чресел
изнемогала нагота...

1982

Муж

В клетке моей, в позлащённой неволе
пой, как умеешь, а я подsvilleщу;
вызов мне бросишь, воли попросишь, —
крылья подрежу – и отпущу.

Певчей ли птице – и в поле соколем
петь, в ястребином гнездиться бору?
Кроме неволи – нет тебе воли,
муки нет слаще и сладостней боли, —
петь, ненавидя, и ждать,
как умру...

1987

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Начало

...Твой непривычно тихий дом.
И два окна в доме твоём.
Глухая смежная стена.
В постели снежной спит страна,
а в изголовье, у окна
в Европу, мы сидим вдвоём,
вино беспешинное пьём
в приморской ветреной ночи, —
две странных тени у свечи
(у колеблемой свечи) —
великаны-лилипуты:
«Ты меня с другой не путай!
Страшен час восьмой под утро,
час, когда над Петербургом
легкокрылая заря
снег и наледь января
осыпает алой пудрой.
Страшно в час восьмой проснуться
и к чужому повернуться, —
ты меня с другой не путай...»

...И прелесть жалкую её ночных улыбок,
и жалость слов о расставанье скором
(как сердце медленно! как на закате зыбок
оставленный Петром и Павлом город!)
запомнил я, а позабыть не смог, —
и за полночь их видел, слышал за полдень...

Безумной женщины безумное письмо.
Седьмая заповедь.

Из январского дневника

I

Он осознал, что молодость — была.
С вокзала шёл и безучастным взглядом
следил окрест, а над Петровым градом
небес чухонских тягостная мгла,
грозя грозой, сгущала воздух синий, —

мостом, проспектом, перспективой линий
во глубине василеостровско й
он, мёртвый, шёл с надеждой и тоской
по Воскресенью; и она ждала
его в том доме, где теперь жила

одна, без мужа; где его любили
(так странно, так растерянно любили —
в борьбе с собой) и не желали зла.

II

«...Мой тёмный демон, мой любимый, мой
возлюбленный! Твой голос дивен,
как плеск воды за окнами, как ливень
с небес продрогших – поздней зимой.
Как сладко жить в плену твоём! Но власть
твоя страшна. Оставь меня, не мучай.
Я погибаю. Я стою над кручей.
Возлюбленный мой, прикажи упасть...»

«...И холодна твоя рука...»

...И холодна твоя рука,
и плач беспомощный беззвучен.
Кипит, хмелит моя тоска,
тебя бессонницей измучив.

Как этот звёздный свет в окне
не поглощён ни тьмой, ни далью,

так – не заснув – болят во мне
твои прошедшие печали.

А ты тоску мою смири.
Возьми в глаза свои живые
мои глаза – и говори
слова негордые, незлые.

А ты прочти больному мне,
открыв знакомую страницу,
как серый коршун в вышине
когтит младую голубицу...

Вчера

Уста к устам – и руку в руку...
Темна, печальна – как всегда —
Невы
высокая вода;
мы расстаёмся навсегда,
мы пьём сегодня на разлуку,
на годы горя и труда.
И всё томит меня желанье
продлить последнее свиданье
и эту сладостную муку
единства душ и тел слиянья, —
твой чудный стон и крик, когда

МЫ.

Прощание

Город, бывший тобой, – да останется так!

...И ночных, неподвижных теней немота
тишину сторожит,
и в пролёте моста
жёлтый бакен, колеблясь и тлея, дрожит, —
смутный город, что мглой да туманом пронизан —
между мной и тобой,
между небом и мной.
Как он лжив! как он призрачен – город во мгле!
Как бесплотна взметённая тяжесть карнизов!
И одно только правда на страшной земле —
наша смертная близость.

Наше прошлое нищим проходит Сенной,
наше завтра – Садовой, смиряя надежду.
Кроме муки земной,
нет посредника между —
низким небом и мной;
между мной и тобой —
лишь столетье да невский высокий прибор.
В с ё п р о х о д и т, и наше столетье кончается,
только рябь – как столетье – в каналах качается,

да в неметчину воды – волна за волной.
Только тень моя тёмная полночью мается
на Сенной.

Ах, какая высокая светлая грусть!
Я когда-нибудь в город болотный вернусь,
я себя обмануть попытаюсь. И пусть
в *этот* город уже *никогда* не вернусь
(ибо лик городов – это лица возлюбленных);
всё равно я увижу – две тени пройдут,
и в Никольском соборе две свечи зажгут,
и помолятся молча о душах погубленных, —
кроме муки земной
между небом и мной,
между мной и тобой —
Божий храм, как на взморье вода, голубой,
голубой...

«Настанет ночь, и в тёмном полусне...»

Настанет ночь, и в тёмном полусне
вернётся ночь – из тех, что были прежде, —
в больном бреду, в болезни, в полусне
я позову тебя – и ты придёшь ко мне,
как приходила в сны и в ночи прежде:
таящаяся, жаркая, нагая.

Обманет ночь, и женщина другая,
к моим губам спросонок припадая,
горчащий вкус измены ощутил, —
и в сне моём меня во сне простит,
без слов поняв чутьём животным, древним —
по ком я плачу...

Остаётся ночь,
а ты уйдёшь путём ночным и древним,
бледнеет тень, и тает льдинкой имя,
и не понять, зачем теперь с другим, и...

Прими (он твой) последний стих,
к тебе – склонясь в земном поклоне:
искал я прелестей земных
в непостоянстве глаз твоих,
в живом тепле твоих ладоней
и в грешной мгле твоих волос. —
В нас небо дальнее слилось
с землёй (земля ли в небе тонет?),
и нас к земле от неба клонит.

...Но это счастием звалось.

1984–1987

«...Ибо радостям нашим назначен предел, за которым...»

...Ибо радостям нашим назначен предел, за которым —
пустота пресыщенья и скуки горячий настой, —
день всегда беспощаден, и странным покажутся вздором
мой восторженный шёпот и лепет предутренный твой.

Ибо там, где мы жили, — вминали немые ступени,
поднимаясь к блаженству бессонных и дымных ночей,
навсегда затаились и дремлют неясные тени
наших тел, наших зим, вёсен, лет, осеней...

Ибо там оставаясь незримо, забытые всеми,
мы сомкнули объятия и в замкнутом мире живём, —
но уже не вернуться туда нам – безжалостно время! —
днём с огнём не найти нам дороги туда, днём с огнём.

Ибо нет продолженья.

Стихи из романа

Не лечит время. Верный пёс —
не чуя ног, слепой от слёз, —
который раз приполз, чуть жив,
в глазастый мир дворов чужих,
в чужой уют, мой свет в окне...
Зачем приник к чужой жене?

Просил спасти. Молил помочь.
Один лишь день, одну лишь ночь,
всего лишь жизнь побудь со мной!
В прохладу рук и в алый зной
внутри тебя – меня впусти...
Просил помочь. Молил спасти.

Могла спасти – и не спасла.
Теперь прощай. Не помни зла.
Не поминай. (Рассвет бескрыл.)
Не помню зла... я всё забыл.
Могла помочь... я всё простил.
Как я люблю тебя... любил.

1998–1999

«Ночь декабрьская. Мгла сырая...»

Ночь декабрьская. Мгла сырая.
Ветер. Оттепель. Не до сна.
Примостившись в постели с краю,
спит беременная жена.
Спит, кудрявая. Спит, не слышит,
как меня любопытство жжёт,
как спокойно и ровно дышит
переспевший её живот,
как пронзает испуг невольно,
если вдруг – рассердясь порой —
в ухо ножкой толкнётся больно
беспокойный ребёнок твой...

1982

Освобождение

Сегодня я так странно тих.
Теперь забудь жёлчь губ моих.
Былым словам не верь. Я лгу.
Я нашей памяти бегу,
и бег свободен – и отчаян.
В иную, в светлую страну,

сминая памяти волну,
моих печалей чёлн отчалил.

Я у колен твоих уснул.
И сон склонившийся – сутул —
тобой укутывал меня.
И там, во сне, я был тобой,
во мне дышал ребёнок твой,
и кровь дремотная струилась,
не согревая, не маня,
и сердце медленное билось.

Как ты измучила меня!
В какой-то сладостной гордыне
ты, верность женскую храня,
мне не была верна доныне.
И семя будущего зла
тая во тьме души осторожной,
была такой неосторожной,
такой небережной была.
Была.

1984

«...МЫ ТЕ...»

*...мы те
двухспинные чудовища...*

...как зыбок мир в игре теней и света,
как странно слаб в борьбе со страстью ум;
а ты лежишь, чиста и неодета,
и стыд паденья сладок; и угрюм
ночной пейзаж; угрюм и сладок воздух;
тела чисты, светясь во тьме, лишь там,
у бёдер, тень полночная; и складок
гардины лёгкой тени по углам
волнуются; задавленный, глубинный
проснётся зов – и поведёт во тьму
покорный ум; и дивный зверь двуспинный
тела сомкнёт в объятых, и ему
не хватит ночи; а в оконной раме
во весь проём рассвет лучи слоит;
и сладок стыд – и дивный зверь губами
тела ласкает дивные свои...

1983

ВРЕМЕНА ГОДА

Зимой

Который год – в безумии моём —
мне снятся сны цветные. Просыпаясь,
с тоской привычной век не поднимая,
я скучно знаю, что опять увижу
мир наших зим двухцветный, чёрно-белый,
в проём окна оправленный, как в раму,
знакомый мир. А между тем другая
ещё стоит картина и не тает,
расцвеченная красками, живая,
такая непохожая на мир.
И век не поднимаю я, и с грустью
я сетую на то, что не сподобил
меня Господь художническим даром.

И странный сон преследует меня.

Они – любовники. Она, утомлена,
к его плечу прижавшись, зябко дремлет.
И алый сумрак их тела объемлет,
и грудь её стыдлива и нежна.
А кожа тонкая (в снегах голубизна)

просвечивает каждой жилкой тайной,
как первый лёд по осени печальной
являет струйки быстрые у дна.

А за окном хвостатая комета
грозит бедой, несясь к земле на гибель.
Багряны тени, и тела нагие
освещены закатным, смертным светом.

Растерян он. В его глазах испуг.
Но тишине беспомощно внимая,
лежит недвижим он, не разнимая
и в э т о т миг кольца сведённых рук.
Оглохла ночь. И в и д и ш ь сердца стук;
и тает страх в его усмешке нервной
(пусть гибнет мир!), но и подружка – верной —
погибнет с ним, земной замкнувши круг.

...Когда изменишь мне, с м и р е н н а я моя,
о, как мучительно и долго буду болен
безлюдьем и обидой злой, – не волен
тебя простить, понять не волен я.
Тоскуя вспомню (вспомнишь?!) – ночь полна
весной, тревогой, воздух мглой остужен;
томленье тел, свеча, и поздний ужин,
и хмель спокойный красного вина;
а ночь всплывает в синий мрак окна,
и мы плывём – щека к щеке – в забвенье,
в мир многоцветный, дивный, в область сна;
и близость наша горестно ясна,

как в расставанья час, как за мгновенье
до гибели...

Не предавай меня!

1984–1985

Апрель

Время полуночи улицы тронет
чёрною краской и рыжею хной —
краской осенней и басмой вороньей.
...Девушка стонет за тонкой стеной.

Время полуночи, смутное время.
Чаще и призрачней стоны её,
в тёмной истоме горячее семя
страстно принявшей во чрево своё.

Чья-то душа, отлетавшая девять
дней, по людской первородной вине
вновь поселяется в стонущей деве,
в жаркой и сладкой её глубине.

Зябкое солнце цыганское светит,
луч его лёгок и тонок, сквозной.
Всходит созвездье и – грозное – метит
новую жизнь в круговерти земной.

А за окошком толпой многорукой
зыблются ветви деревьев, шурша.
Сладостной болью и светлою мукой
в миги такие исходит душа.

Отсветом чудится дальним, дремотным,
помнится давним, чуть брезжущим сном, —
был ты когда-то лишь духом бесплотным
в жизни нездешней и в мире ином...

1984

Летом

Странное нечто творится в природе!
Не было женщины, – сразу два
бабьего полу субъекта приходят,
дом убирают, хозяйствуют... (Вроде
обе согласны.) На огороде
густо взошла *топтун-трава*.

Так бы и жить, не считая буден!
Грядки окучивать обе-две.
Трудолюбив я, – и труд по мне.
Только одно не пойму вполне:
как с урожаем справляться будем?!

Тесно от мыслей в моей голове...

1995; в деревне

Осень

Межсезонье. Нерадость. Ненастье.
Не зима, а предвестье её.
Нелюбовь. Оскудение страсти.
Вот и кончились наши напасти,
острогрудое счастье моё.

Ты теперь на везенье не сетуй,
не пеняй, что у нас не сбылось,
не раскидывай ловчие сети,
не венчай с расставанием злость, —
поединки не кончатся эти,
продолжается праздник на свете.
Да и жизнь продолжается...
Врозь.

2004

Опыты

...Каждый был молод, красив был и строен. И что же?
Время безжалостно годы на лицах итожит.
Вздоргнешь, однажды очнувшись... *Любить, но кого же?*

Радуйся каждой минуте, не говори: «Навсегда!»
Канет и наша любовь, как другие твои, в никуда,
И не воротишь... *На время – не стоит труда.*

Выслушай, девочка, доводы мысли несложной:
Страсть не однажды ещё и головку и сердце
встревожит.
Будь благодарна минуте... *А вечно любить невозможно.*

2005

«Люблю я в утреннем трамвае...»

Люблю я в утреннем трамвае
иль в электричке где-нибудь —
в ушко девчоночье, играя:
– А вы – красавица! – шепнуть.

Как благодарно покраснеет
ещё не женская щека,
и в сумку спрячет поскорее
тетрадку школьную рука.

Душа стремится в мир открытый
ещё неведомых страстей, —
и я, весёлый и небритый,
кажусь таким прекрасным ей.

Вагон набит, что не качнуться,
не отвести лица от глаз...
Не доведись ей вдруг очнуться
от наваждения сейчас!

1978; из рукописи книги «Городская окраина»

«Опьянит иудейская гневная кровь...»

Опьянит иудейская гневная кровь,
встанет чёрная мгла, опалая ресницы,
в глубине неподвижных змеиных зрачков,
и безжалостным жалом язык раздвоится...

Так незримо, так верно хранимый тобой,
я оставлен тобой. Впереди – неизбежность
пустоты. Пустота мне осталась, да боль,
да голодная нежность...

1987

«...И память, что древнее глаз твоих...»

...И память, что древнее глаз твоих
(глаз дорогих, заплаканных и вечных),
мне воскресит и свет, стоявший в них,
и шорох в складках траурных оплечий,
и многоцветный шерстяной базар,
и россыпь звёзд по белым плоским крышам;
напомнит мне дневной пустыни жар
и холод ночи на песке остывшем.

Я помню всё: и тёмный гнев толпы,
и страх в глазах нечаянной блудницы.

Но – *Кто из вас*, —

Он скажет, —

без греха...

И у Святыни искупительной Креста
в час торжества и муки не они ли
Ему сияли – в е ч н ы е глаза...

И милосердья редкий дар впустую
растратишь ты, не обретя л ю д е й.
И в дни стыда узнаешь муку злую
больной беседы с памятью своей. —
Одежды белые тебя позвали,
слезой омылась и – душой чиста —
на зов уходишь, зная без печали,
как за спиной клубится пустота
всех прошлых дней (ни пожалеть, ни вспомнить,
ни воротиться в клятое жильё).
Твоя молитва – лепет губ сыновних,
его глаза – прощение твоё.

1987

«Не дай мне Бог в твоих ночных глазах...»

Не дай мне Бог в твоих ночных глазах
прозреть однажды тайну и томленье.
Когда душа замрёт в оцепененье,
а в дом войдут предательство и страх
стопами тихими...

Я не того боюсь,
что мой позор замечен и ославлен
другими будет; не того боюсь,

что свяжут имя доброе с бесславьем
в худых словах...

Что в них? Ещё одна
морщина лишняя да правота сознания
или, верней, сознание правоты
своих же давних слов о чувстве стада
и стадных чувствах.

Не того боюсь.

Страшна тоска бессонная, глухая,
в которой мысли отдыха не знают,
и не поднять глаза, и некуда пойти, —
её лишь смерть забвением излечит
(другой – в е л и к и й – муж знаком был с нею, —
и стал под пистолет); тоска глухая
страшна, – не дай мне Бог
знакомства с нею.

Как страшно в одиночестве земном
последней веры в верное лишиться,
слов правды ждать – и этих слов страшиться, —
в единый миг покой, и честь, и дом —
в с ё п о т е р я в.

«Пустышка, хищница, притворщица по-женски...»

Пустышка, хищница, притворщица по-женски
клянётся вечностью... На вечер ли, на час ли?
Лови жураву в небе, жди блаженства —
напрасны хлопоты! И ты не будешь счастлив.
Очнёшься: жизнь прошла темно и пошло.
Но так светло сияют имена
возлюбленных, – с кем потерялся в прошлом,
с кем не испил супружества до дна.

1998

«Так долго болен, что ни сна, ни сил...»

Так долго болен, что ни сна, ни сил
принять бессонницу как указание свыше
на дар страдания, о коем ты просил
и про который, р а д у я с ь, напишешь.
Всё бередило душу: вязкий спор
о зле еврейства для страны великой,
засилье рифм на стыках строк и крики
орды мальчишек, полонившей двор.

Уж полночь. В нежной полумгле пестрят
немые тени одеяньем грубым.
Прислушаемся, как часы стучат,
как – обрываясь – лёд стучит по трубам.
Лишь эти звуки. В мире жизни нет.
Уснуло всё. Громады спящих зданий
затемнены; чуть брезжит тусклый свет
шальной звезды, не трогая сознания.

И не найти забвенья ни в вине,
ни в женщине, с которой пьёшь, тоскуя.
– Дружок, ты плачешь? плачешь ты... а мне
заказано и плакать в ночь такую.
И час такой врагу не пожелать,
всю пустоту немых небес измеря.
Бродить в тоске и молча повторять:
– Приди на помощь моему неверью...
Возьми талант, поставь беду у двери, —
но отвори молчание своё,
но возврати горчайшую потерю —
вкус жизни, сладкое земное питие...

Ирина

1

Не переступай порога назад, есть такая примета.
Или останься – или простимся в конце концов.
...Уже за звенящей чертой турникета
растерянное твоё лицо.

Всё. Уносят тебя лошадиные силы
в аэрофлотовском исполнении,
уносит тебя домой семейства антоновых птица.
И, как назло, погода лётная, не осенняя, —
не тучами даже – облачком небо не замутится.
Аэрофлот! Твой порт для нас как место Лобное.
Но нет тебе дела до слёз.
Быстро, выгодно и удобно
любимую мою унёс.
...Пусто в порту до жути.
Губы мусолят «Приму».
А впрочем, чем чёрт не шутит,
вдруг телеграмму примут?

Телеграмма на борт самолёта АН_24,
выполняющего рейс В_398 по маршруту

«Иркутск – Чита – Чульман – Алдан»

«Один я в огромном зале,
одна ты под небесами.
Любимая! Мы и не знали,
что счастье повсюду с нами.
В твоём седьмом общежитии
окна распахнуты настежь,
стрекозы просят впустить их
у нас переждать ненастье.
Разве это не счастье,
разве природа обманет?
Или в предутреннем, раннем —
просыпаясь ещё до света, —
вязком ангарском тумане
согреваться одной сигаретой...
Разве не счастье это?
Помнишь, ситцевым летом
бежали пригорком пьяным?..
За университетским лесом
есть наша с тобой поляна,
где так быстролётны дни.
Разве не счастье они?
Нет на душе брони,
сердце не сможет в стали, —
и ты навсегда сохрани
всё, чем счастливыми стали.
Любимая, мы не знали...»

2

Только десять часов на свиданье отпущено было нам.
И уже расстаёмся, единой минуты не медля.
Ты осталась одна (ни родных, ни знакомых) на станции
Зилово,

на 6668-м километре.

Одиноко пошла по платформе двухмастным зверёнышем
—
в чёрной шубке и шапке из жаркого меха лисы,
показавшись на миг беззащитным и робким детёнышем,
потерявшим семью и не знавшим законов лесных.

Пахло угольным дымом. Ладонь холодела от поручня.
Клубом белого пара, вздохнув, одевался вокзал.
И обиженный сон, дожидавшийся, кажется, с полночи —
не увиденный нами, забыто в подушке лежал.

Где-то справа граница, и поезд торопится влево.
Стынут мёрзлые шпалы. Вагоны идут чередой.
...Я вгрызаюсь зубами в кусочек хрустящего хлеба,
что на завтраке был второпях недоеден тобой.

3

В полночный час в домах знакомых
ищу приметные черты.

Быть может, в уличных изломах
случайно встретишься и ты.

Шагни неслышно, не приветствуй,
вспугни плащом воронью мглу.

... Другим досталась по наследству
кровать скрипучая в углу.

(Вот эту родинку из детства
не позабуду. Как иглу
укола совести— картинку
прощанья помню, – грустен, тих.)

Другие тянут крохотинку
стипендий нищенских своих,
ржаного хлеба четвертинку
беря к обеду на двоих...

Когда бы знать, что будет с нами,
когда бы вещим верить снам!

Любовь убитую мы сами
похоронили. Не руками, —
но не отмыть ладоней нам.

1979; из рукописи книги «Городская окраина»

Признание

I

... Не зови меня домой,
вечеру не жди, родимая.
Улетаю в край иной,
уплываю в небо дивное
вместе с девой молодой,
с юной, чувственной красой.

... И потомки обезьян
зло галдят, глядят растерянно:
вот опять он волей пьян, —
несмирённый, неумеренный.
Где понять — постылым — им,
что в любви на том стоим, —
белый свет нам в радость дан,
а грехи — не вами меряны!

II

Нам *будущего* нет, а есть одно *сегодня*.
Обманны ночи, дни. Обманны вечера.
Враждебен мир. Молва прилипчива, как сводня.
А вместо прошлых лет ничтожное *вчера*.

Прости меня за то, что я живу – не в теле,
не в шпорах, не в усах, неведущий мир люблю.
...Не для тебя, мой свет, вставать чем свет с постели,
и поздние труды мои не для тебя.

Я **плоть** твою люблю. И всякий раз – как в морок,
как в обморок – в тебя без памяти летя,
очнёшься и вздохнёшь: «А ведь уже под сорок!
Могла бы дочкой быть.
Бесстыдница.
Дитя...»

1992–1993

«Бес в ребро...»

Бес в ребро, —
не бывает лишнего...

Беззаботный и светлый смех

мне напомнит меня, давнишнего,
столь же жадного до утех.

Только мысль моя, крепко пряча
крохи выстраданного в тиши,
с грустью зоркой, с тоскою зрячей
рыщет ночью во тьме горячей —
и в потёмках живой души.
И уже не простят измены,
и тебя уличат во лжи
эти лестницы, эти стены,
эти первые этажи!

Год за годом тончает пряжево
дней моих, —
и не гаснет свет
над страницей Устава княжьего:
«Аще мужъ отъ жены блядетъ...»

1995

«...От бедной женщины, в которой свет погас...»

...От бедной женщины, в которой свет погас, —
давно забытое припоминая сходство,
не отвести замороженных глаз,

на миг пленяясь красотой уродства.
Желанья тайные вдруг посещают нас,
и чувства новые в них постигаем мы,
когда колдует добрый дух зимы, —
свеченье снега в сумеречный час...

1986

«Желанный поздний час. Соседи спят, похоже...»

Желанный поздний час. Соседи спят, похоже.
Под воровской ногой молчит ступенек ряд.
Знакомый скрип дверей. Всегда одно и то же.
Так будет через день. Так было – день назад.

В квартире холодок. Халат и книги мужа.
Его цветной портрет. Красивый, крепкий рот.
Муж – гвардии сержант – второе лето служит
и письма о любви бесплатной почтой шлёт.

О, как твоё плечо знакомо и упруго,
как ты нежна сейчас, как честен кроткий взгляд...
Давай-ка помолчим, полночная подруга!
Сюжет давно избит. Никто не виноват.

1980; из рукописи книги «Городская окраина»

Над старой летописью

Крестный мой, святой Георгий,
усмиритель гнусных оргий,
на грудастом на коне,
во сияющей броне,
держитъ въ руцѣ копіе,
тычетъ Змія въ жопіе.

Вот и я, крещённый кровью,
мог бы справиться с любовью,
мог бы беса побороть – и
мог бы властвовать над плотью, —
под уздцы вести её,
облачась в стальные латы.

Да куда там...
2006

Голубица

Вам розными быть в приговорах судьбы однозначной.
И как к тебе выйти из *теми* обрушенных лет?
Но вышла – она, – и была эта ночь первобрачной,
и дымен был в комнате пёстрый танцующий свет.

Среди золотых, голубых, огневещущих, искорок прочих — ты мог ли представить, могли ли такие присниться слова поутру после вашей единственной ночи:

«Лети, голубица!»

1994

«...А нынче – в месяц-ветродуй...»

...А нынче – в месяц-ветродуй —
китаец-маг, колдун Фэн Шуй
решил, что близкие должны
меня покинуть. Не нужны
мне ни семья и ни друзья,
и пусть один тоскую я...
Ещё любимых сжался круг, —
ни добрых лиц, ни тёплых рук
и ни сердечного огня.
Утраты свыше решены...

Так незаметно год прошёл,
и новогодний грянул стол.

И вот – ни сына, ни жены
и ни другой. И не слышны
друзей и смех и разговор.
Ни девы юной... Просто мор!

Сплошной раздрай, сплошной разор.
Пустыня. Сокол нищ и гол.
Один сиди себе – кукуй.

Ужо тебе, мудрец Фэн Шуй!

2004

«Прочно вставши ногами...»

Прочно вставши ногами
у вечности на краю,
сегодняшними глазами
взглянув на юность свою,
на девушек юных глядя
с голеньким животом, —
может быть, даже не бляди,
не глупенькие притом,
нынешние Сусанны...
Что ж твой задумчив взгляд? —
Плоти поют осанну
тысячи лет подряд.
Девы мужам желанны
с ветхих времён, – они
были ничуть не плоше
в твои золотые дни,
когда ты – в цивильных клёсах —
был каждой юбчонке рад.

И сам был такой хороший...

Как, впрочем, и нынче, брат!..

2005

Элегия

...Как плод любви поры сердечной,
он нашу жизнь соединил,
покорный жребью своему,
ребёнок был резов, но мил,
и потому любимым был,
и был желанным потому.

Теперь шестнадцатый ему.
И для него повсюду дом,
и целый свет ему игрушкой,
теперь дитя берёт гондон,
когда идёт гулять с подружкой, —
свирепый СПИД виной тому.

А ты тайком в ночном дому
взгрустнёшь об юности беспечной,
слезу нечаянную смахнёшь,
своё припомнив, – и вздохнёшь
об этой жизни быстротечной...

2003

Старческое

Темна во облацех вода...
И от тебя ни нет ни да.
Не хочешь так, ступай тогда.
Ещё одна забота с плеч...
А между тем уже зима.
Законопачены дома.
А на дворе ни свет ни тьма.
А в небесах ни тьма ни свет.
А от тебя ни да ни нет. —
Чего жалеть, чего беречь?!
О чём моя сквозная речь?

Да не пора ли в койку лечь...

2006

«...Нерастраченным чувством темнеющий взгляд...»

...Нерастраченным чувством темнеющий взгляд,
ворожба и пьянящее таинство слов.
А над нами февраль, и вполнеба закат,

и узорочье дивных седых облаков.

Улыбнувшись светло: «Не судьба?» – «Не судьба!» —
расстаёмся. И прядь дорожную со лба
уберёшь под платок. Как мы врозь проживём
в одиночестве долгом с другими? О том
знает Бог,
да полночная эта тетрадь,
да вот эта твоя поседелая прядь...

1996

Сестрица

...И покуда весною лепечет листва,
и зимою сыпучие змеи метут, —
нипочём не забыть нам озноб воровства
в торжестве этих брачных минут.
Так однажды сбываются давние сны.

И сгущаются явью в прозрачности буден
дни покойного счастья с горчинкой вины
и ночные бесстыдства под буйством луны...
Но и этот наш грех только Богу подсуден.

Сколько ж надо железных сносить башмаков!
Свет осенний мой, путь журавлиный, —
голубой чередой, грядой облаков

уводящий в свои палестины.

Столько лет унесло,
отболело, ушло;
скоро век как сравнивается вместе нам.
И куда бы ни плыть,
только б рядом нам быть.

...Да калина в лесах заневестилаась.

1997

«...Кто мне глаза закроет...»

...Кто мне глаза закроет
жалостливой рукой,
кто мне лицо покроет
смертною пеленой?..
Жил на земле, летящей
в бездне времён сквозной,
рядом с любимой спящей,
женщиной и Женой.
Кто мне лицо покроет
скорбною пеленой,
кто мне глаза закроет
трепетною рукой?..
Их было много, отважно
связавших судьбу с судьбой.

И почему-то важно,
кого назовут вдовой...

2011

Московская поэма

Поэт, печалью промышляя...

...но предзимье
затягивалось; стылая земля,
растерянная, млела и томилась;
и оттепелей грязь его и сырость
слоились густо, и в густом замесе
с листвою мешались; слякотны и наги
стояли дни от Покрова до дня
святого Иоанна Златоуста,
когда ударил утренник впервые,
предзимье льдом сковавший, – и она
в двойном потоке, поскользнув, упала
на перекрёстке дымном и не встала,
задавленная насмерть; а колени,
которые – вчера ещё, иль ночью,
иль час назад – распахнуто сжимали
мужские бёдра и счастливо бились,

теперь недвижны были и мертвы.

Темнел народ одеждами. Над ними
курился пар дыханья, и клубились
дымы – сплетались, исчезали, тая, —
как ангелы витали. А под ними
она лежала мёртвая, одна.

Недвижная, нездешняя. И в лицах
темнела радость тайная, и лица
спокойны были ясные, но Бога
в них не было.

И холодочек счастья
по спинам полз распластанным зверьком:
«Не я! Не я!»

Мы мимо шли с женой
беременной. Тридцатую неделю
она носила плод – апрель безумье
еловый бор костёр безумье привкус
токайского безумье снег – и шубка
на предпоследней пуговице снизу
(на третьей сверху) не могла сомкнуться,
как ни старались, и, боясь простуды,
её живот неправильно-округлый
укутывали шалью шерстяной.

Дымы сплетались, исчезали, тая.

И пробивался сквозь толпу с ворчаньем

стальной старик (как видно, бывший сокол
из тех ещё – из песенных – времён,
к смертям привычный), – не пугаясь крови,
задумчиво бесстрастной палкой тронул
рябой асфальт, подёрнутый ледком:
«Не я! Не я!»

И колченогий, рыжий
щенок лизал солоноватый лёд
в прожилках крови – и загривок вздыбил,
неведомое чуя. Но к нему
уже бежала девочка, ошейник
держа в руках, берет на лоб надвинув,
и по плечам её косичка билась,
как пойманная бабочка:
«Не я!»

И на жену взглянув, я тотчас понял,
что не люблю её и ненавижу
её за радость жадную в глазах,
которые блестели и кричали:
«Не я! Не я!»
Но испугавшись сразу,
что ненависть останется, что я
и вправду разлюблю её такую —
под локоть взял и прочь повёл, – стараясь
случайно не взглянуть в её глаза
и не увидеть вдруг, как жадно ноздри
вздуваются – и как дрожат и ловят

слабеющий пьянящий запах крови.

А вечером – она уже спала —
я подошёл, таясь, к её постели
и долго-долго, заслонив от света,
в её лицо покойное смотрел.
И по тому, как просветлела кожа,
как дрогнули ресницы, как вздохнула, —
я понял, что её душа вернулась
из тёмных странствий, где она блуждала,
от перекрёстка, где чернеет кровь.

И вновь и вновь я, содрогаясь, видел —
пьянеют ноздри и лицо смеётся:
«Не я! Не я!»

Убить её. Как просто!
Сомкнуть покрепче и надёжней пальцы,
и на лицо подушку, чтобы всхрипы
не вырывались. Как легко. Как просто.
Она лежала навзничь, запрокинув
лицо к стене, губами улыбаясь —
и горлышко синело. Как легко!
Ей умирать во сне не больно будет.
Побьётся вяло, а потом затихнет
и вытянется телом, и с ладоней
исчезнут знаки. Просто и легко.
Спи, милая. Тебе не будет больно.
Никто т в о е й м и н у т ы не увидит,

никто не притворится скорбным, радость
никто в глазах обманчивых не спрячет,
не засмеётся. Сам тебя омою,
и в чистое одену, и оплачу.
Спи, милая. Тебе не будет больно.

Пока ты спишь, пока ты не проснулась,
прощусь с тобой. Как прежде, поцелую
изгиб локтей, излучину коленей,
виски, ладони, пахнувшие летом,
лицо, глаза, и розовую спелость
сосков, и бёдер сумрачную тень.
И живота дыханье чуть живое
солью с моим дыханьем – и услышу,
как ты живёшь, как бродит кровь по телу.

В последний раз сольём дыханья наши...

Она спала, безмолвная. И молча
стояла ночь огромная, живая.
Она спала в последний раз, не зная;
не думая о смерти.

Я услышал,
как бьётся сердце ровное, а ниже
другое сердце билось...
Там, внутри,
ребёнок наш – неведомый, невинный —
спал тёмным сном беспамятства и воли,

и на меня, наверное, похожий,
он жить хотел, он властвовал:
«Не я!»

Неведомый, невинный...

И впервые

стал смысл понятен слов о пуповине,
которой мать с дитём обручена, —
живём, её не чувствуя, не видя,
но будет час – и в муке сердце рвётся,
захлёбываясь кровью (весть в дороге,
а ты – о д и н); и нет хранящей связи,
единственной, быть может, меж людьми.

Но если так,

то в час предзимья льдистый,
когда вокруг мы радостно толпились —
был человек один, и в смертной муке
душа рвалась, и стыли кровь и слёзы, —
а о н не знал – откуда боль и страх.
Как одиноки мы...

1982–1985

ЦАРСКОЕ СЕЛО

«В родной стране – родной страны не знать...»

В родной стране – родной страны не знать,
не знать в лицо ни матери, ни сына, —
цепями нас к земле не приковать —
всё те же мы: нам целый мир чужбина...

Кто дорожить свободой не отвык,
тот бредит сном, что не сказать словами, —
какие б звуки нам ни жгли язык,
какой бы флаг ни трепетал над нами!

Нам всё равно.
Под теми небесами,
где от свободы призрачно и ясно,
где чистый свет,
где вертоград прекрасный,
где луч звезды, склонившейся над нами,
мы будем славить светлыми стихами
не луч звезды под теми небесами,
не чистый свет, *не вертоград прекрасный,*
но – как всегда – земли тяжёлый лик,

к которой мы прикованы цепями
(какие б звуки нам ни жгли язык,
какой бы флаг ни трепетал над нами).

...Готовит Муза древнее питьё,
настоянное на печали,
даруя нам (как светел вздох её
и как легки и непорочны крылья!) —
диктуя нам, чтоб мы смелей летали
без страха высоты и без усилья.

И в сонме ангелов весёлыми глазами,
как за младенцами, следит за нами
мудрейший муж, всея Земли пророк,
кто оторвался от земли – и смог
парить над временем и временами,
чьей волей тайной дышит каждый слог,
чья тайна – с ним,
а он – всевечно с нами, —
Пушкин.

1986

«Ты вернулся в тот город...»

Ты вернулся в тот город...

Считай повезло

вновь коснуться бессмертной ахматовской ивы,

где тебя, молодого, запомнил счастливым
серый камень домов, где туманит стекло
влажный ветер с залива.

А на Волковом кладбище стаявший снег
обнажил для травы дорогие могилы...
Что ты понял о жизни, смешной человек?
Что ты знаешь о смерти, наивный и милый?
И не твой ли черед
за другими вослед
отмолить, отчитать – и расслышать всё ближе, —
шарит лапой железной безжалостный Век:
«Поднимите мне веки! Не вижу...»

1994

Воспоминания в Литинституте

...Когда – дружась с печальной Музой, —
душа очистилась от лжи,
и выбор стал, и путь был узок
к спасенью верному души;
когда в глухом пространстве стыли
и глохли робкие шаги,
и когти цепкие вострили
ума и совести враги;
когда для нас был день не светел,
и дух роптал, не зная сил, —

старик Ерёмин нас заметил
и н а с у д ь б у благословил...

1987

Немногим

Наше позднее братство, не веря посулам, живёт,
гонит светлые сны, и – как прежде – не в лад запевая,
от земли этой стылой обещанной воли не ждёт,
как не ждёт золотого, земного – и лживого рая.

Ничего и не надо. Глоток голубиный вина
сгонит сонную одурь, на миг опьянит и согреет.
Да ещё благодать – постоять, покурить у окна, —
ночь с краями полна, но заря набухает и зреет.

И за нами живущий слова наших песен поймёт,
к доброте припадая сухими, как жажда, губами.
Наше позднее братство – как всякое братство – умрёт,
но не раньше, чем с нами!

1986

«В долгие ночи холодной зимы...»

В долгие ночи холодной зимы
снятся холодные долгие сны.

...Смех мне сквозь слёзы твоя нищета,
слёзы сквозь смех мне твоя маета;
горькая зелень каналов твоих
в кости вырастает побегами ив;
кровью великой великих побед
раны дымятся десятками лет,
братских могил оседают холмы;
верные гибнут в изгнание сыны...

В долгие ночи холодной зимы
снятся холодные долгие сны.

...Но – просыпаясь – молюсь над тобой,
над окаянной твоею судьбой,
веря, что в мире безверья и зла
вновь воссияют твои купола;
мне для тебя живота не беречь,
во сыру землю, измучившись, лечь,
в землю, червлённую кровью донднесь,
рядом с другими умолкшими, —
здесь...

«Это мы. Это наше густое вино...»

Это мы. Это наше густое вино —
пьяный мёд. Да и квас не водица.
Мы, кряхтя, прорубали в Европу окно,
прирубая попутно землицы.

А уж как переплавили колокола,
то-то швед захирел для баталии!
И под Марсовы громы Россия пошла
от Петра – к Соловкам.
И подальше...

1988

Каменный век

...Вот опять я в безмолвье подслушал
чистый звук – золотое литьё.
Но костёр одинокий мой тушит,
ложью травит и голодом душит,
гонит стадом нестадную душу
низколюбое племя моё.

Всё равно я, доверившись звуку,

чистой музыки выстрою храм, —
взгляд поднявший и поднявший руку
от бесплодной земли к небесам...

1986

Четырнадцатое марта

Скорый пекинский устал в подъёмах,
в кручах байкальских, в пыли ветров...
В прямоугольных дверных проёмах
синяя форма проводников.
Парень-китаец и розовый Мао
зданья и рельсы берут в прищур:
кормчий с портрета глядит лукаво,
парень с подножки – насуплен и хмур —
в форменном френче и в брюках зауженных.
Может, одиннадцать лет назад
тоже и ты добивал безоружных
юных израненных наших солдат?
Может, и ты побывал с автоматом
в марте на северной стороне, —
с тёмной жестокостью азиата
крови хлебнувший не на войне?
Снова весна. Небеса в лазури.
Только невыплаканно кричат
с давнего снега, со льда Уссури
лица безглазые тех ребят...

1980; из рукописи книги «Городская окраина»

«Вольному воля! Наградой не связан...»

Вольному воля! Наградой не связан,
Так и уйду – никому не обязан.

Другом не узнан и братом не признан,
Так и растаю, приёмьш Отчизны.

Вольному воля. И, верно, недаром
Сердце, недужным палимое жаром,
Жаждет последней свободы глоток, —

Круто душа перехлестнута болью,
Густо посыпан горчайшею солью
Чёрствого хлеба нелегкий кусок...

1983

«Нам не узнать ни славы, ни свободы...»

Нам не узнать ни славы, ни свободы.
Наш общий дом, и общая вина,
и нерушимый купол небосвода, —

одни на всех...
Но вечно ты больна
неправотой гонимого народа.

Не этой болью – праведной, но злою —
помянет нас великая страна, —
одной любовью, как одной землёю,
соединяя наши имена.

Прощая нас...
Нам всё простится, кроме
вражды двуликой, вековой и вязкой.
Прости и ты, —
гордыню древней крови
смиряя совестью славянской...

1987

Барков

Он онемел. Оглох. Ослеп.

И мир стал нем,
и свет стал слеп;
в безмолвье глохнущих фонем
тонули стёртые слова,
мелодий, слышимых едва,
неясный отзвук замирает;

и мир стал – склеп,
и свет стал – тлен,
в оглохших звуках догорая;
и морок чудился ему.

О зримый матерный язык!
Лишь потому —
и я к сосцам твоим приник...

1988

«...Года томясь бездомьем, одиноко...»

...Года томясь бездомьем, одиноко
выносишь муку мыслей невозможных.
Судьба неодолимая жестока, —
как может быть лишь женщина жестока.

Так много было слышано попрёков,
и клятв бессмысленных, и обещаний ложных!
Не слушая советов осторожных,
уходит сын своим путём далече.
Поймёт и он с годами: путь конечен,
и жизнь проживший, – жизни не узнаешь.

Один и наг родившись, – умираешь
таким же. Правит смертная истома.

...Но есть дорога близкая. Под вечер
ликует хор торжественный. Знакомо
и сладко пахнет ладан. Тают свечи.
Покой и мир в душе.

И ч у в с т в о д о м а .

1998

«А Приморье льдом одето...»

А Приморье льдом одето,
стылых рельсов мёрзлый звон.
И дорога в два просвета,
как полковничий погон.

Крутолобой, желтолицей —
по-над сопками видна
за китайскою границей
перебежчица-луна.

Я в неё влюблён сегодня,
счастлив я и ширью пьян.
Здравствуй, старый греховодник,
волновержец-океан!

Здесь ветра шныряют в своре,
здесь туманы-космачи,

здесь гуляет на просторе
чудо синее... Молчи!

Здесь белёсыми утрами
возникают из дали,
из воды, под номерами,
сизой масти корабли.

Не могу я наглядеться
на стальную эту стать.
Жаль, дружок, что в школьном детстве
не пришлось сюда сбежать!

Ах, какой я был бы ладный
в белой форменке морской,
в бескозырочке парадной —
и задиристый какой!

Но огнями хороводя,
издалёка глаз маня,
корабли опять уходят,
не берут с собой меня...

1978; из рукописи книги «Городская окраина»

Тридцатитрёхлетие

Звук или отзвук странный слышится мне сегодня, —

кто там зовёт меня: давний ли гул времён, посвист ли
милой воли,
Смерть ли моя заблудилась, плутает – беспокойная –
плачет,
кружится в бесконечном ямском безнадежном поле?

Бог весть, что даль таит, и с простотою веры —
слезу отерев – слежу я, как над землёй горчащий стелется
дым

И где-то у окоёма – разлапистый, низкий и серый —
в сером обвисшем небе прикидывается голубым.

И весело мне жить на свете, – воздухом дышать осенним,
да веровать в Промысл Господень, да Вышнюю
слушаться власть:

Нести, покуда есть силы, страдательное имя Русский,
и в час – какой мне назначен – под именем этим упасть.

1989

Русские песни

Барону Антону Антоновичу Дельвигу

Вечный свет живёт в очах.
Нимб в сиянье и в лучах.

Из сегодняшнего дня
что там слышно вам?
Пожалейте вы меня,
горемышного!

Заступитесь в небесах,
отмолите бедный прах.

Пожалейте палачей!
Им для нас не спать ночей, —
то военна, то цивильна —
Русь народишком обильна,
с каждым надо о судьбе,
по делам, не по злобе,
перекинуться умело, —
эвон в поле и в избе
сколько дела! —
допросить да попытать,
каблуком на яйца встать,
сунуть в харю пистолет,
сознаёшься али нет,
хренов сын-антилигент,
на текущий на момент
расстрелять тебя в момент
да сгноить в казённой яме! —

И молчит – ни жив ни мёртв —
добрый молодец-поэт.

И парит, чужбинкой пьян,
власть рабочих и крестьян
с левольвертом в кобуре,
козырьком лобешник стёрт
до бровей, а под бровями
по стеклянной по дыре
(за окном – лубянский двор,
со двора – не дверь, а дверца,
завтра скажут приговор),
пар – душа,
а вместо сердца
ой ли пламенный мотор,
за окном тюремный двор,
век двадцатый на дворе
с левольвертом в кобуре
на излёте.

1985–1986

II

Из непокорных и бесстрашных
никто не ведал в день обмана,
что всё единство дней вчерашних

падёт с железным истуканом...

Но ничего не поменялось
в стране испуганных теней,
лишь, может, мой (какая малость!)
запой – длиннее, и темней,
и безнадежнее. Да злей
ночная тишь, когда не спишь
(а в голове и дичь, и бредни),
и сознаётся миг ясней,
когда в какой-нибудь... Париж
сорвётся навсегда последний
из тех – с кем можно говорить.
Но не печалься, брат. Пустое!
Что ж, остаётся пить и пить,
но – одному.

И вспомнить, воя
от безысходности во тьму,
здесь остающихся как будто.
И представляя их, под утро
приняв похмельные свои,
так бормотать: «Какие ж всё же
у вас откормленные рожи,
страдальцы скорбные мои...»

Банальное

Она родная навсегда,
как хлеб, как воздух, как вода,
она и милует – и ранит, —
и наш холопий, пленный дух
то бунтом пьян, то нем и глух, —
и пресмыкаясь, и буяня.

И под Давидовой звездой
начав свой путь, где стон и вой
гонимых в счастье миллионов, —
она закончит путь земной,
вплетая в герб аграрный свой
шестиконечник Соломонов.

1988

Чужой дневник

«...и по старым строкам, как по затесям,
пробираясь к минувшему дню,
чем продолжить вчерашние записи?
С кем сегодня тебя я сравню:
– С каждым утром река коченеет,

будут забереги и льды.

С каждым утром тесней и чернее
повесть дымной осенней воды.

– И – заблудшая, полуживая —
ты пристала ко мне на пути.

И томишь, как земля роковая,
от которой и в снах не уйти.

Всё – неясность...

И лишь в неумелости

бедных рифм я себя узнаю —
в беспощадных прозрениях зрелости,
в очарованном сонном краю.

От ликующих, жирно пирующих,
торжествующих вечность свою,
ухожу – и во стане в з ы с к у ю щ и х
я свой подвиг и крест нахожу».

...А когда на рассвете редет
тьма густая в оконном стекле,
счастлив он – и по-прежнему верит
в справедливость на лживой земле;
но не в ту, не в земную, не просто
в справедливость (но – свет! небеса!), —
глянут в стылые души прохвостов
изнурённые жаждой глаза
тех, кто в жизни и в смерти изведал
клевету и неправость обид,
кто и жил для идущего следом,
только словом непроданным сыт,

кто справлял свою горькую тризну
и не прятал в молчанье своё
слёз любви и стыда за Отчизну,
за святое терпенье её.

«...Как я счастлив! И что эти годы,
опалившие душу крылом,
если звёздный глагол небосвода
исцеляет в недуге земном?
И пьянит меня чувство свободы
над ночным озарённым столом».

1986–1987

Сцена из нынешних времён

Я вышел рано, до звезды...

Писатель и приятели его Умнов и Неумнов; якобы в больших креслах, якобы перед камином, якобы с сигарами.

П и с а т е л ь (*в задумчивости*)

Затем ли, что в России рождены,
мы – как слепые – бьёмся в эти стены?
И вечен ужас вечных лет стены —
без мысли, без конца, без перемены.
Давным-давно утерян здравый смысл,

давным-давно не свята жизнь людская,
куда ни глянешь. И тоска такая,
что если мыслям волю дать, то впору
пойти и удавиться, так стройна
порой бывает логика ухода.

Но это – к слову.

Гнусный взгляд отца
народов ловишь, кажется, повсюду:
в газетах и в гостях, в журналах, дома,
и в том предмете, что назвать неловко
высокой прозой моего стиха
или стихом высокой прозы (Саша
Ерёменко сравнил его в сердцах
с помойной ямой). Бог ему судья!
(Не Саше, а вождю тому.) Тем паче,
что старший сокол тоже не был ангел,
как нас учили...

Что ж, из всех желаний
одно мне ближе: напоследок плюнуть
на дуб высокий, где они сидели,
и насладиться думою о Ницце
и Гонолуло...

Г о л о с А в т о р а з а с ц е н о й

Стой, дружок, – куда
заносит Муза, будто бы она
у Евтушенки на полставки служит!
А я всю жизнь южнее Больших Говнищей

не выезжал как будто...

П и с а т е л ь *(продолжает)*

Не судья

ему я нынче, хоть писал – три года
тому, – покаюсь:

Кровию метил и в рабство крестил,
в подлость и в полымя Русь мою бросив,
тот, кто случайно на троне царил,
кто – неслучайно? – с рожденья носил
древнееврейское имя Иосиф.

Теперь я так не думаю (блажен
когда-нибудь созревший!) – мыслей новых
пришла пора, и осознание мыслей
меня страшит безрадостным итогом:
не этот – так другой, не тот – так третий
с удавкой к России б подступил
(и вождь постарше вовсе не был ангел).
Но до чего ж мы всё же азияты!
Покорное, задумчивое стадо,
беспамятной ведомое звездой,
жуём бесстыжей лжи изрядный клочок,
отпущенный бесчестными властями;
в нас правды нет – нам и тюрьмы не надо,
а как мы нынче храбро рвёмся в бой
за правду – и сражаясь с мертвецами,

всё норовим то в печень, то в висок,
тяжёлыми бряцая кандалами...
А уж когда NN запел про лагерь,
я – замолчал.
Глодайте вашу кость!
Не обучила нас Европа,
и мы не сделали мудрей...

Г о л о с А в т о р а з а с ц е н о й

Басинский ждёт уж рифмы ж-а?!
На, на, прожуй её скорей!

П р и я т е л ь Н е у м н о в

Но ты б нам мог сказать о многом!
К примеру, не чураясь слова,
александрийским вечным слогом
воспеть реформы Горбачёва!
К тому же нам дана свобода
о нашем будущем мечтать!
Твой долг – избранников народа
в делах их словом поддержать!

П и с а т е л ь (*неожиданно злобно*)

И они нам придумают новый Тайшет,
и другую дадут Колыму,
и – ссылаясь на старый афганский сюжет —

роты мальчиков наших, не видевших свет,
отошлют на закланье во тьму!

(Успокаиваясь.)

Распутная, растерзанная плоть...
Как в сне дурном,
весь век живём,
и глушим
тоску вином,
и пропадаем в нём,
и губим чистоту сердец и души.
Что им земля, что мир, когда одни
остались страсти – блуда и наживы?
Не говори: мы велики! мы живы! —
ты мёртвый червь, пока живут они.

(Спокойно.)

Да и куда нести творенье?
Крепка стена, не хватит сил...

П р и я т е л ь У м н о в

Не продаётся вдохновенье,
да кто бы рукопись купил?

П р и я т е л ь Н е у м н о в

Лорд Байрон был того же мненья!
Чухонцев то же говорил!

П и с а т е л ь

Тьфу!
Всё *слова, слова, слова...*

Г о л о с А в т о р а з а с ц е н о й

Мораль сей сцены такова:
От беса – власть,
от беса и строка
про эту власть, —
и набесившись всласть,
поехал автор водку пить.
Пока?

1988–1989; из цикла «Растерянность»

Ладога

Серебряный ковш в белопенном вине —
Озёрная чайка в прибрежной волне.

Рыбацкие лоды несут паруса.
...Здесь Русь поднималась, раздвинув леса.

На княженье Рюрик тобой проходил.
Рождалась держава, исполнившись сил.

И волею Божьей осталась жива:
Увязла в болотах твоих татарва.

Твой берег не слышал поганых язык,
И Русь сохранила свой ангельский лик.

Три века назад, а как будто вчера,
Здесь крепла железная воля Петра.

Мужала держава в границах своих,
Народы и страны собой потеснив.

В наследство мне память блистательных лет.
...И женщины узкий, мучительный след.

1984

«...А как нелюдь копытом прошла по стране...»

...А как нелюдь копытом прошла по стране,
а как нехристь людей испытала в огне, —
то не молвит язык, защемлённый зубами.

Это стылое время уснуло во мне,
это снится мне время в предутреннем сне,
это время тревожит бессонную память.

...Слышишь слово людское – да звуки не те.
Помнишь новые гимны словами другими.
Глянешь – бронзовый идол парит в пустоте,
оплетая пространство глазами пустыми.

И пространство молчит в ледяной темноте.

Нам, – оставшимся здесь, – в непроглядной дали,
в забытии поминать (это люди иль тени?):
в эскадронах рассеянных, в крымской пыли,
до к а т и в ш и с ь д о к р а е ш к а
Р у с с к о й з е м л и,
припадают к земле, преклоняя колени.

Нам – своих дорогих мертвецов хоронить,
нам – в стенах одичалых не чувствовать дома, —
как нам ёжиться, корчиться как нам и выть
в рукавицах наркомов...

1986

Голоса во снах

...Осенью поздней заглохший сад
страшен в сезон дождей.
Мёртвые листья с деревьев летят,
души убитых детей летят,
вытравленных детей.
Гонит их, кружит их,
конь их — *б л е д*.
Ветер сечёт их ранаще.
Нет им покоя, спасенья нет,
нет на земле пристанища.

...В моём
одиночестве,
в моём тупике,
в комнатке занавешенной
за полночь глухо скрипит паркет, —
бродит вдовой помешанной
тьма моя, тело своё потеряв, —
ухом в ладонь длинной
слушает, стоя столбом в дверях,
шеей
застыв
надломленной...

...Сам ты поступкам своим судья.
Грустно заблудшая жизнь твоя
кругом земным проносится.
Поздние гости
кружат во мгле,

*мёртвое нечто
лежит в земле,
Богом не скоро спросится...*

1984

«Засиделся над книгой...»

Засиделся над книгой...
Светает. Пора
выходить из волшебного сада.
Огляделся с утра:
ни кола ни двора,
ни жены, ни добра.
И —
не надо.

1998

Родина

В отчем дому, где мы жили богато,
в голых стропилах гуляют ветра, —
это, родная, законная плата...
Что ж ты с собой сотворила когда-то, —
правды ль пытала? палат ли из злата?

что ж ты искала добра от добра?

Вольно же было вам, баричам Русским,
ложною мыслью пленившись, блистать,
слушать цыганок да девок французских,
вечное хаять – и бурю скликать!

Вот и пришла. Над разверстою бездной
в ужасе стынет разграбленный край.
Кто наследил тут пятою железной?
Чудо ли Юдо? Бату? Иль Мамай?

Сколько их было? Да разве упомнишь! —
В нашей беде и беспамятство дар.
Кто они были? И памятью тонешь
в лица безумные новых татар:
*хлоп перемётный и жид из Варшавы,
беглый абрек и германский шпион —
каждый искал не поживы, так славы
в серое утро твоих похорон.*

...Нам ещё долго замаливать, каяться,
горькую пить и учиться уму.
Долго ещё нам юродствовать, маяться —
всем! – в разворованном отчем дому.

1988–1989; из цикла «Растерянность»

1917

...Так и было: встречали их песней недужной и вечной,
—

что прощанья, что встречи – у нас эта песня одна, —
и с Великой войны принимая калек и увечных,
над великим страданием выла больная страна.

Так и было: поникли убитою славой знамёна,
горьким дымом тянуло от скорбных, голодных полей
над венцом подневольным униженной царской короны,
под оглохшим набатом святых Православных церквей.

И от зорь нестерпимых на годы полмира ослепло, —
это небо пылало, *и пламени не было дна*,
это было исчадьем грядущего вечного пекла.
И на Русскую землю всходил Сатана.

1987

«Ждать ли нам Воскресенья?..»

– Ждать ли нам Воскресенья? —

Страшный ветер, дикий ветер с окраин идёт.
Чёрный свет наши застит глаза, совесть жжёт.

Что нас ждёт?

Что – п о т о м?

Царской кровью навек бесовьё повязало народ;
и Царевич без крика кричит окровавленным ртом:
– Вам не будет спасенья!

1987

Измышления

Бывают странные сближения.

Стылая в небе мерцает слюда,
жаркая в луже дымится звезда.
Думай неспешно, тебя берегут
ночь до рассвета и медленный труд...

Если бы нам иудейство принять, —
может быть, Лазарь не смел разорять
стольной Москвы, сорока сороков?
Может быть, не было большевиков?

Если бы в Калке иссякла вода, —
может быть, нас миновала Орда?

Если бы памятным ветреным днём
моря хлебнул злополучный паром, —
может быть, бунт задохнулся и сник,

и не сгодился тупой броневик?

Если б крестьянству поверил Колчак, —
может быть, поднял сибирский кержак
грозные вилы в поход на совдеп?
«Власть – адмиралу, крестьянину – хлеб!»

Если б сознательный душка-эсер
вновь зарядил боевой револьвер, —
может быть, вождь – низколоб и усат —
был бы оплакан годков в пятьдесят,
и не узнал мой несчастный народ,
как за колючкой побудка ревет?

Если бы мы повернули штыки
в тыл, где жируют и спят м – - ки, —
может быть, враз был отброшен и смят
энкаведэшный расстрельный отряд? —
Красное знамя повергнуть смогли
и под трёхцветным к Победе пришли?

Если б не клич ананасы сажать, —
может... да что ж о пустом толковать?

Если бы брови повыщипал тать, —
может... (Но надо подробней сказать,
просит душа, невозможно уснуть;
славить живых ли, иль мёртвых лягнуть:
долг – гражданину, писателю – честь;

гневная совесть подвигла на месть, —
был как живой анекдотец для всех
ныне покойный великий генсек,
славный прозаик и много Герой,
ввёл в обиход всесоюзный застой,
впрочем, был прост и глядел молодцом,
хоть не в ладах был с родным языком.)

Если бы брови повыщипал тать, —
может... но нечего боле сказать.
Если бы власть не прибрал Горбачёв, —
может, исполнив наказ Ильичёв,
вспять повернула речная волна? —
Лучшим болотом – без края, без дна —
ныне б по праву гордилась страна, —
хваткий парнишка, широкая кость
(*гвозди б... да он от рождения гвоздь!*) —
ставит рекорд, заплывая на срок:
«Лобное место – Владивосток».

Если б... да время не движется вспять.
Нечего, значит, на Бога пенять.
«Ухнем, дубинушка!..» Всё это сны.
Эти стихи в альманах не годны,
вьюношам строчки твои не нужны,
критике мысли твоей не понять,
в толстых журналах тебе не блистать.
Стало быть, нынче пора отдохнуть,
мозг отключить и спокойно уснуть.

Завтра продолжишь нетленной строкой:

Если бы Ельцин, народный герой,
впятил им в...
И т. д. Спать.

1988–1989; из цикла «Растерянность»

Пушкин

I

...Быть может, шёлк знамён, познавших
поля кровавые войны,
и сон могил, и память павших
во имя трона и страны,
и наших дней служенье злое,
и славы ржавые венки, —
в веках воистину не стоят
его единственной строки...

II

...За то, что белый свет не бел,
что путь наш – мрак и просветленье,
что всякой муке есть предел, —
России послан во спасенье
его высокий чистый глас.
И он нас выстрадал, – и спас
на остриях противных мнений,
на столкновеньях чуждых рас, —
закатной мглы – и тьмы азийской.

...Вдове Поэзии российской, —
его последней болью ставшей
в два пополудни, в смертный час, —
судья лишь Бог, его пославший.

И неподсудной быть – для нас.

1985–1987

«Лишь при лампе, в ночи златоглавой...»

Лишь при лампе, в ночи златоглавой,
мне покойно – и хочется жить,
заслужив это горькое право
до рассвета с тобой говорить.
До холодного тусклого света,

до неяркого нищего дня...

Голубая, всегда в эполетах,
как живая, идёшь сквозь меня,
осенённая бывшею славой
(и её ты сберечь не смогла),
над тобой простирает двуглавый
закалённые в битвах крыла;
да сияет над грязью и потом
Православья великая твердь
(осквернённых святынь позолота,
на года онемевшая медь);
да нечаянным жаром согретых
свет и мука любимейших книг
(дорогие глаза на портретах
незабвенных страдальцев твоих), —
вот и всё, чем была ты и стала,
чем, возвысившись, в мире жила...

В муках новую веру рождала —
и больное дитя родила.
И пленясь им, худым и беспутным,
ради этих н е я с н ы х к р о в е й
ты в пути и во сне беспробудном
пожирала родных сыновей.
А очнувшись, всплеснула руками,
огляделась в печали кругом
и глушила слезу кабаками,
опиваясь дешёвым вином.

И тебя ли – родную – мне славить,
волоча, как подстреленный, стих? —
Но дороги твоей не оставить,
но себя на земле не представить
без кровавых преданий твоих.

1987

«Сколько зим, сколько лет и который уж год...»

Сколько зим, сколько лет и который уж год
без креста, без звезды по могилам...
И всё полнится список калек и сирот.
Что в тебе бесновалось, незлобивый род,
что вело тебя веком постылым?

Ах ты, горькое горе, людишки-людье,
Русь моя, пьянь, да рвань, да тоска, да тоска без предела.
Помрачась, отдала на закланье в жидьё
его белое Царское тело.

И для горстки ушедших в поход Ледяной
чёрный саван в приданое шила,
и, утративши веру, глядела с мольбой,
как во мглистых степях над казачьей рекой

ищет смерть в искупление Корнилов.

Мы прекрасной земли
уберечь от врага не смогли,
тёмен край наш и дик,
запустел Богородицы дом, —
только как мы с ума не сошли,
только как мы с ума не сойдём,
видя смертные корчи единственной этой земли!
И одно нам осталось: хранить наш великий язык,
чтобы дальний потомок наш мог
ведать смысл давних слов в своей светлой и ясной дали —
муки, совесть и Бог.

1994

«И вот зима ступает на порог...»

*И вот зима ступает на порог.
Окончен бал, и ветер свечи тушит.*

И дышит выюгой, задыхаясь, Блок, —
и н о й зимы предчувствуя удушье.
А завтра – кровь позор страны закон
временщиков нагайка хам диктатор, —
и новой ложью вызолотят трон.

И крест несёт последний Император.

Никитский бульвар

*Стонет весь умирающий состав мой,
чуя исполинские возрастанья и плоды,
которых семена мы сеяли в жизни, не
прозревая и не слыша, какие страши-
лица от них подымутся...*

Над нами твердь звезда ми зажжена.
И ветр сквозной. И кривизна земная.
И в поднебесье скверная луна
плывёт из Гамбурга,
куда не зная.

Века разбоя. Клевета. Хула.
Но был наш замысел смирен и кроток,
покуда в ум заблудший не вошла
мысль чуждая, чужих умов забота.

Земля! Отечество! – не звук пустой.
Кто люб, тот бит, – поймёшь не по присловью.
Тобой живёшь – и говоришь с тобой
и с ненавистью, и с любовью.

Отечество! Земля! – худая мать,
степные сны, проклятые вопросы.

Извёл и жизнь, и век – тебя понять,
в чужих краях душой, —
о с т а л с я с н о с о м.

Полным-полна печаль твоих дорог!
И в оный день, в неясном вечном шуме,
себя сжигая, замолчит пророк, —
войдёт убогий в з н а н ь е —
и безумье...

1987

«...И сходили, как в пропасть, в могилы одни...»

...И сходили, как в пропасть, в могилы одни,
и чуть брезжили давние – прежние – дни,
и заря кровенела зловеще и трезво, —
век смердящий лютел,
по-звериному пел,
выжигал человечье калёным железом.

Но бессильные тянутся пальцы к перу,
и – как прежде – волнуются мысли в отваге,
и встают письма – и сгорают к утру,
и – рассыпавшись пеплом – летят на ветру,
и немеют листы почерневшей бумаги.

Наша память – кандальный Владимирский тракт —
замерзает в этапах, больных и усталых,
в тундрах, полных людей, обгорает в кострах,
тонет чистой слезой в замутнённых каналах.

...Ну а и м, – из безродья выводят и тьмы
и возводят на трон сапоги-кровоступы, —
от слепящих снегов туруханской зимы
до знобящих бессонниц кремлёвской тюрьмы
путь.

По трупам.

1987

Завтра

...мы так же, корчась, упадём, —

мы руки слабые сомкнём
на обожжённых жаром лицах,
и станут пеплом и огнём
земные *вечные* столицы;
а тот, кто выживет, сочтёт
дни смертной муки и проклятья,
и сам в безумье проклянёт
отца, и мать, и ночь зачатья;
и равнодушный круг луны,

взойдя надмирно и высоко,
на злое празднество войны
воззрит, как праведное око, —
так я, разрушивший земной
приют отшельника лесного,
к его обители лесной
придя нежданно и без зова,
в его замшелый древний дом
впустивший гибельное пламя,
слежу за гибнущим жуком
сухими жадными глазами,
слежу, как мучимый огнём
по пню он мечется – и мчится
в безумье огненным путём,
как панцирь глянцевого на нём,
от жара лопаясь, дымится, —

мы так же, корчась, упадём...

1984

Афганская баллада

Оставив дом, за грань родной державы
уходим мы – куда труба звала, —
как будто вновь – как встарь – орёл двуглавый
вознёс над миром хищные крыла.

Горяч и ярк свод небес Востока,
длинны дороги, долги злые сны.
А впереди – во тьме – рабы пророка,
чужого бога тёмные сыны.

Зелёный флаг; зловещий полумесяц,
как век, ущербен. И приказ не ждёт:
в любом бою, в жестокой кровной мести
тебя нательный крест обережёт.

Ах, не про то! И где он – бранной славы,
с равнин дунайских и балканских мест —
наш гордый стяг, омытый кровью правой?
Где Православья, торжества Христова,
стальным штыком, живым Монаршьим словом
в д р у г и х боях спасённый нами крест?

...Так далеко трубач поёт сраженье,
тех перевалов так неясны льды.
Но пыльный ветер в Русские селенья
приносит запах гари и беды.

1985–1986

Круг

До утра
не уснуть, себя измучив,

помня дня и ночи связь,
втихомолку матерясь —
вполсловечка, вполсозвучья, —
и тоска глухая, сучья,
с коей дружит долгий век
всякий Русский человек,
не даёт уснуть, зараза,
сторожи её вполглаза —
а вполглаза не уснуть!

Кличешь рифму... Мука, право, —
та же ересь, та же муть:
*За распутство и за блуд
черти бабу волокут
на бесовскую расправу,
на потешный чёртов суд.*
Что, откуда?! Не уснуть.

Над страной декабрь, и муть
облаков, и ночи темень...

Изнутри взломала темя
мысль-убийца: не уснуть
до утра!

А с утра...
Смотри и слушай, —
как до полночи с утра
выворачивают душу

1986

Мандельштам

Богом помечен и лирой повенчан.
В святцах не значится имя твоё...
В тёмном Отечестве нашем под вечер
ищет ночлега себе вороньё.

Смертное тело оставил своё
пасмурным зимним, заснеженным днём.
Вечна душа, – и твоей, человеческой,
мчат по дороге высокой и млечной,
мчат незакатным высоким путём,
вечную жизнь обретая в Творце.

Что же в земном ты увидел конце?
Лик Петербурга, туманный и зыбкий,
братьев по Цеху волшебные скрипки,
мёртвых друзей – и подобье улыбки
или ухмылки в собачьем лице...

1984

В мае

...Бесталанная родина лучших стихов.
Край закатов горячих. Холодных снегов.
Золотая земля...
Но родная страна
на сто лет *чужаками* с флажками больна.
Оттого-то и пьёт он, чужак-рифмоллов,
день *о с ь м о й* пребывая в Стране Дураков...

1988–1989; из цикла «Растрянность»

«Тепла и света в зимний вечер...»

Тепла и света в зимний вечер —
как всем – хотелось бы и мне.
Стою на площади, где ветер
да Пётр Великий на коне.

Да вот – сапожками мерцая,
в песцовой шапке до бровей —
гуляет женщина ночная:
– Ну что ж ты, мальчик?
Посмелей!

А я стою как вор на стреме,
в ней чуя родственность с собой.
Мой труд, – он тоже самый древний,
неблагодарный и ночной.

...Уже на здания резные
ложится мокрый, липкий снег,
уже сапожки меховые
увёл восточный человек.

А я всё маюсь. Тёмной тенью
сливаюсь с тёмным фонарём,
как слился царь на постаменте
с уставшим вздыбленным конём.

1978; из рукописи книги «Городская окраина»

**«Хоть мгновенье помедли!
помедли ещё хоть мгновенье...»**

– Хоть мгновенье помедли! помедли ещё хоть мгновенье,
и уже не забыть милосердных, прощающих рук
перед сечей великой... но пали волшебные звенья.
О, как призрачно пусто, как мертвенно пусто вокруг!

Отсвет сабли татарской в поднебесье облачном тает
и дымится, дымится кровавым и тусклым огнём.

На ущербе наш век, на ущербе... страна засыпает —
как младенец в утробе – в беспамятстве тёмном своём.

Расскажи мне теперь, как и небо не знало просвета,
как лежала земля бездыханно и немо, а в ней
Благодать воссияла, когда наши земли проведаль,
шед из греков в варяги, провидец апостол Андрей. —

Моя поздняя гостя, во времени мы не вольны,
лишь дыханье твоё холодком пробегает по коже,
но глаза открывая, я вижу всё то же:
вечный бег ускользящей волжской волны
и тверское безлюдье. – Рождённой луны
пью настой розовеющий, память тревожа
остывающим отблеском прошлого;
позже
веселят моё сердце рассветные сны.

...А когда после ночи светла голова,
и печален восход, и во рвах при дороге,
обречённая, молча мертвеет трава, —
грусть привычно ясна, мысли только о Боге,
о России, которой прощенья нет,
о дорогах её – и куда её след.

И уводят её колеи в никуда.

*Ваши звёзды склонились к закату, и немо
небосвод ваш чернеет. Но брезжит звезда,
негасимо лучащая свет Вифлеема.*

1987

Памяти Ирины Одоевцевой

Позади – гонимое
по миру житьё.
Впереди – родимое
вечное жильё.

Гордость – паче чаянья —
запасая впрок,
долгих лет отчаянья
размотав клубок, —
по Господним пастбищам
протянули нить...

И —
на кладбище
воротились жить.

1988

Смутно

Над суетой великих перемен

спокойно солнце вечное заходит.
Со мной в угасшем парке ветер бродит
и ворошит опавший жёлтый тлен.
Сиротский запах вянущей травы;
пьянит настой грибной пахучей прели.
Пришёл октябрь, и птицы отлетели.

И не назвать мне близких словом вы.

Сам по себе. Страны убитой сын.
Как грустно мне! во времени отставший,
зову людей, столетье прахом ставших, —
и нет мне отклика живого. Я один.

Но всё не так. И, кажется, не то
опять писал сегодня; научите!
Вон человек в *гороховом пальто*
за мной идёт... а может быть, простите...
я ошибаюсь...

1985–1986

Сон

...впереди ни огня, ни следа,
всё темней и ненастней дорога.
Чёрным паром клубится вода
на проталах – у волчьего лога.

Одинокая стынет душа.
И скрипит – отвердевше и голо —
синий снег под ногами, глуша
жаркий хрип воспалённого горла.

И Всевышнего милость дразня,
возроптал я с бездумностью зверя:

*– Почему Ты оставил меня
среди поля тоски и безверья?
Столько лет не молившись ни дня,
не сменяя с икон паутину,
я Тебя не отринул, меня
почему Ты сегодня покинул?*

Но безмолвье полночной поры
на земле бесприютной стояло.
И неслись – и сшибались миры,
рассыпаясь в межзвёздных провалах.
Павши навзничь, бездушного льда
ощутил я знобящую стылость.
И упавшая следом звезда
в изголовье моё закатилась...

1981; из рукописи книги «Городская окраина»

«В неурочное время...»

В неурочное время,
в неназначенный час —
одинокий меж всеми,
начинай свой рассказ.

Вспомнив вечное дело,
зов тревожный страниц,
уходи под прицелом
неулыбчивых лиц.

И в ночной электричке
сквозь чужую гульбу
уносишься, по привычке
помятая судьбу. —

Как везде, нелюдимым.
Богоносцу внимай,
с перегаром и дымом
жуткий воздух вдыхай.

И дорогой большою
горевать не спеши,
не склоняясь душою
под мытарством души.

Но поднявшись до света,
над тетрадью клонись,
ведь безделица эта
называется

1994

«А нас твоё страдание хранит...»

А нас твоё страдание хранит,
Хранит от умысла и помышленья злого, —
Мирская власть гражданские оковы
Абрек на троне знаки и значки
Тирана тусклые недвижимые зрочки
Огни тюремные да городские флаги
Величье государственной отваги
Свидетельства позорища былого, —
Когда в стихах твоих, аукаясь, звенит,
О вечности, о муках говорит
Его немеркнувшее Слово.

1986

«Землю свою мы хранить не умели...»

Землю свою мы хранить не умели —
и не любили. Тюрьма и тюрьма!
Жизнью играя, смеялись и пели.
Рушили в рабьем бездумье дома.

Счастье сзывая – беду проглядели.
Тысячелетье прошло – онемели.

И подступила предсмертная тьма.

Все мы сошли напоследок с ума:
душу терзает худое веселье,
сердце пронзает отравное зелье, —
пир твой в разгар лихолетья, Чума!

1997

Кончилось лето...

Красное солнышко август отпело.
Белый мой свет занавесил туман.
Враз помертвело.
Вмиг пожелтело.
Осиротело.
Засентябрело...
Что ж ты наделала, как ты посмела?!
Что же ты целилась так неумело,
бедная, бедная
Фанни Каплан?..

1988

Знаменский монастырь. Иркутск

*Желая разделить участь мужа моего,
государственного преступника...*

О дневном забывая шуме, —
мысли строги, душа чиста, —
я подолгу стою в раздумье
над могилою без креста.

Здесь, под сенью святой Заступника,
под плиту погребена
государственного преступника
вернопреданная жена.
На звенящий мороз и ветры
забайкальские, дикость выюг, —
променявшая дом свой светлый
и блистательный Петербург.

...Русским бабам мужей и суженых
доводилось встречать с морей,
и с кровавой войны, контуженных,
и безвинных – из лагерей.
А теперь – ожиданий сроки,
горечь правды и сладь обмана,
безысходные, страшные строки
Откровения Иоанна.

Но и нынче, как долгий век назад,
нас в дороге хранят земной
наших преданных, дорогих глаза —
с голубиною чистотой...

1978; из рукописи книги «Городская окраина»

Памяти Талькова

Лучших хороним – привычное дело.
Небо дарило, земля отняла.
Плачется осень, а в Русских пределах
празднует век сатанинская мгла.
В землю уходит певучее племя.
В персть обратится болящая плоть.
...Душу твою убаюкает время,
горестный дух упокоит Господь.

1998

«День за днём усталость множа...»

День за днём усталость множа,
год идет, клонясь к закату, —
вот ещё небыстро прожит —

бесноватый, вороватый.

Каждый день живёшь как можешь,
всякий день одно и то же,
то ли жвачка, то ли каша:
те же рыла, те же рожи —
и один другого краше —
русофобы,
идиоты,
юдофилы,
патриоты, —
всё смешалось в доме нашем,
всё полно кипящей злобы.

(Ты же понял – жизнь проста:
много муки – больше света.)

Да кому сказать про это,
если нынче правит светом
расписная пустота:
то чернуха, то порнуха,
а точнее – шабаш духа
вдруг воспрявшего скота?
И свобода – от креста.
Вот придумали игру...

(Ты и здесь не ко двору.)

«...Тусклый день в декабре до конца поминать...»

...Тусклый день в декабре до конца поминать:
ветер пылью морозной сечёт по лицу,
а тебе в чистой, смертной рубахе стоять
на Семёновском – людном казённом плацу.
А потом в Заишимье ещё тосковать
и Сибирью брести, кандалами бряцать,
вспоминать запотевший спасительный крест, —
и в народе и вере спасенья искать,
озирая густеющий морок окрест
(кружат бесы, кривляясь, – и прячась во тьму),
и к народу и к вере спасаясь идти.

Но в прозрениях трезвых метаться уму:
ничего не спасти,
не спастись никому...

1995

На смерть отца

Как жить и петь, давно диктует враг.
В сплошном кольце бойцы стоять устали.

Всё проиграли? Всё ушло во прах?.. —
Но мы встаём с колен,
отец, —
и встали!

И есть невещный край, нетварный рай,
в дали незримой – золотой на сини, —
здесь отпускаеши, на жительство встречай
земных заступников, Небесная Россия...

2001

«...Мы не увидим никогда...»

...Мы не увидим никогда,
как вянет лето на исходе,
как бродит полая вода,
как тучи снежные заходят;
и будет пуст притихший дом,
где свечи траурные жгли, —
всё будет так...
А мы уйдём,
уйдём
путём вся земля...

2006

«Утром проснёшься – белым-бело...»

Утром проснёшься – белым-бело.
Плывёт в морозном тумане дом.
Птица-синица клюёт в стекло,
требуется птица-синица корм.

Прибыло свету, короче тень,
воздух бодрит и без хмеля пьяный.
День Рождества Христова, день
жданный,
намоленный и желанный!

Глядя на пламя свечи своей,
вздорнешь: и ты всем живым причастен.
Сколько их будет, таких вот дней, —
вспомнишь о них —
и пронзает счастье!..

2000; в деревне

«...За грехи...»

...За грехи
эта долгая тьма нам, святая моя,

за грехи!..

Тянет влагой ознобной с продрогшей реки.
Поздний час бесприютен, и глух, и незряч.
Сон далёко летит и свободен и волен.
И напрасно пытается ветер – хоть плачь! —
пробудить онемевший язык колоколен.

Что посеяли, то и пожали. Пора
возвращаться на кру ги своя – да отныне
кровь не будет водицей, и сталь топора
не коснётся сыновних голов, как вчера,
не ослепнут глаза в непомерной гордыне.

Вспомни прежнее дело Руси, затворя
телом ломанным, битым – дорогу с Востока.
Крепнет натиск, и жаркая тлеет заря...
И на б е л о м пути, как последний варяг, —
ты на Крестном своём
восстоишь одиноко.

1984

К России

...Когда в забавах праздного ума
прошла не жизнь, но ощущение жизни,
когда в пределах сумрачной Отчизны

истаяла имперская тюрьма,
хоть прочен был её тройной засов —
родной пейзаж эпохи тупиковой,
и в славословии рифмованном глупцов
уже слагался гимн о власти новой,
и срамословье – гордость наших дней —
сливалось с ним одним гудящим хором,
как выблядки над матерью своей,
они глумятся над твоим позором,
торгуя им в базарный, шкурный день,
на торжествах и торжищах ликуя, —
ужель твоя тоскующая лень
не оскорбилась? пропадает все
ещё живая поросль – всё равно?
ужель тебе до века суждено
оцепененье мёртвое одно?
а эти цепи новые легки?

...Среди пустой словесной шелухи
родная речь и хлёсткое словцо
блеснут порой, – и вечные черты
вдруг оживят застывшее лицо.

Покуда жив язык, – жива и ты.

«...Как в юности, влюблённые, живые...»

...Как в юности, влюблённые, живые,
опять мы вместе, – снова повезло
считать пообочь камни верстовые
паломничества в Царское Село.

Литой листвы густую тень на водах,
на берегах кумиры давних лет,
теченье жизни, круг вращения года
блюдёт хранитель-ангел этих мест.

Прийти сюда и молча помолиться...
И вдруг увидеть сквозь резную сень
в аллее дальней тень Императрицы
и Пушкина стремительную тень...

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«Бывает время – тайный молкнет зов...»

Бывает время – тайный молкнет зов,
последний отзвук замер, эхо мнимо, —
душа мертва, и нет звучащих слов,
и немота твоя неодолима.

О муки творчества – одним из многих жить
среди людей неблизких, но незримо,
таясь людей, с е б я в с е б е творить
и ждать свой день спокойно и сурово, —
немой тоске людских сердец явить
рождённое молчаньем Слово.

1985

Начала

...Они приходят, подступая вплоть,
являясь к нам с привычным постоянством, —
и вечных снов ничем не побороть —
они минуют время и пространство.

Питаюсь жизнью грубой и суровой,
нас держит здесь и не даёт пропасть
одно лишь ремесло, одно лишь слово —
нежданных рифм врачующая власть.

И женщины божественная плоть,
её души таинственной убранство,
тревожит нас. Не завещал Господь
смирненную аскезу христианства.

...Напрасны зов и жажда жизни новой!
Пьянит, царуя, радостная сласть, —
и этих снов желанные оковы,
и дум ночных – и тайных ритмов страсть...

1996

Горбунья

...ужасен
был взгляд её,
был странен, дик, но ясен —
своё уродство сознающий взгляд...

С тех давних пор, как наш Творец отметил
её в толпе, когда горбом пометил, —
она одна, всегда одна; на свете

ей друга нет, ей мужа нет, а дети
лишь снятся ей, невинной. Я представил
её в тот миг (ведь жизнь – игра без правил),
когда случайно где-нибудь она,
лицом к лицу столкнувшись, горбуна
увидит вдруг. О, как оскорблена
своим подобьем будет... Жалкий прах!
пигмей, уродец с головой пророка
и со следами детского порока
в усталых, мутных, старческих чертах,
ещё живущий, но растленный прах!

И с отвращением, с ненавистью, с плачем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.